

Фрай Уэнсли

На службе тайного министерства

Э
р
и
к
а
Л
е
г
р
а
н
ж

Эрика Легранж

**Фрай Уэнсли – на службе тайного
министерства. Книга третья**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Легранж Э.

Фрай Уэнсли – на службе тайного министерства. Книга третья /
Э. Легранж — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Фрай Уэнсли – молодой пастор дарквудского прихода выжил после смертельной схватки с демоном, но не все враги побеждены, в кулуарах тайного министерства найдутся предатели, которые готовы преклонить колено перед другими монстрами, чтобы заполучить небывалую мощь и власть. В игру вступает Скарабей, кто это чудовище, откуда оно взялось и что делать бедному пастору, волею судьбы оберегающему Кровавый Алтарь? Старые связи вдруг снова о себе напомнят, но будут ли они друзья, или же опасные представители негласного магического мира, в этом Фраю придется самому разобраться, но как и прежде, с ним всегда будут верные друзья и соратники...

ЧАСТЬ 1. Куда ведут дороги любознательности.

ГЛАВА 1. Эту историю поведала песнь дождя

Утро в провинции всегда озаглавлено пением первых петухов. Англичане просто не могут вообразить себе уютное семейное гнездышко, где не живут певчие птицы, так же, как не могут представить дом без садика на заднем дворе и палисадника у крыльца. Таковы многие маленькие городишка, разбросанные по всему острову, и Дарквудс не исключение. И если на Булок-стрит заботливые хозяйки высаживают герань на подоконниках, то окраина и фермерские дома, отгороженные палисадниками боярышника, утопали в различных насаждениях. Июль выдался дождливым, что способствовало недовольству фермеров – они не могли высушить сено, и пшеница в этом урожае будет прелой и плохо сохранится, но в остальном, дождь в Англии в любое время года – привычное явление. Особенно, когда крупные, тяжелые капли создают барабанный марш, отстукивая по стеклу, козырьку, крыше. И если слушаешь эту музыку изо дня в день, начинаешь улавливать ритм, который в ней следует.

Тело оправилось, залечило свои раны, но душа испытывала муки, маялась в неопределенности, и от того исцеление шло медленно. Наступали отрадные дни, когда человеческий разум приходил в себя, осознавал реальность, но бывало, что неделями человек был в забытьи, балансируя на грани.

После недельного сна душа пробудилась. Сегодня преподобный отец Уэнсли пришел в себя и открыл глаза. Его пробуждение встретил летний ливень, играя знакомую мелодию. Молодой джентльмен силился подняться, но все его конечности одеревенели и слабо слышались мысленных приказаний хозяина. Он слабо пошевелил пальцами – эта нога пострадала в битве с демоном, но дреяма сделала величайший подарок в благодарность – излечила смертельные увечья, иначе бы Фрай не выкарабкался и ушел в мир мертвых. Но все равно нога болела, будто воспоминания того ужаса не оставили воспаленное воображение. Пальцы рук и сами руки едва дернулись – они совершенно ослабли. Пребывать в таком состоянии ужасно, надобно поскорее восстанавливать силы, уже месяц он мается, почти не приходя в себя – битва отняла его жизненную энергию. Отчасти, целебный напиток из магического источника помог, но в экзорцисте произошли сильнейшие метаморфозы – душа много раз порывалась покинуть тело, неужели Брахта пытается утащить его вслед за собой? Необъяснимое и опасное ощущение. Но нет, пресвитер Уэнсли не поддастся, не отпрянет. Его нить судьбы еще не окончена, человек будет сражаться за свою жизнь, даже ради того, чтобы порадовать одну рыжеволосую дамочку, что тихонько вошла в комнату. Фрейлин была одета в простое, домашнее платье и передник, рукава она закатила под локоть, чтобы ее красивые, гладкие ручки беспрепятственно могли омыть тело возлюбленного. Дама принесла таз с теплой водой и мочалку, каждое утро Фрейлин проделывала омовение и беседовала со спящим Фраем. Сегодня ее ожидал сюрприз – она застала возлюбленного, пришедшего в сознание. Леди сразу же бросилась к нему, как тогда – в первый раз его возвращения из небытия. Прошло две недели ее бессонных ночей, когда девица ежечасно слушала биение слабого сердца, молилась, прося пощадить душу и не забирать ее столь скоро. Тогда ее горе разделяли друзья – Мария сменяла обессиленную сиделку и прилежно исполняла свою миссию. Часто и подолгу у одра проводил Эдвард, всматриваясь в очертания племянника, его заговоры не приносили никаких плодов, и даже чудодейственный напиток, что так скоро поднял его самого на ноги, не помогал, будто Фрай стал нечувствителен к магии. И когда пастор впервые пробудился, подле него бодрствовала Фрейлин, она обняла и нежно расцеловала родного человека. Говорила так чутко, так проникновенно. Но пастор недолго пробыл в сознании, к вечеру снова впал в беспробудный дрем, но это было маленькой победой над смертью – родные облегченно вздохнули.

Дама пригладила каштановые волосы, которые совершенно непослушно растрепались. Она взглянула в эти небесные глаза, наполненные муками и сознанием – бледность омрачала красивого человека, что некогда дышал молодостью и здоровьем.

– Ты проснулся! – молвила Фрейлин и улыбнулась своему другу. – Как же долго тебя не отпускает недуг, и никакая целебная сила источника не помогает.

Преподобный пастор легонько шевельнул губами, но говорить сейчас не было мочи, его подруга не ждала никаких объяснений, достаточно было его пробуждения. Она принялась растирать джентльмена, как обычно, не стесняясь различных предрассудков, мол, они же даже не помолвлены. Женщина подробно пересказывала все новости, что происходили, пока молодой человек глубоко спал.

Пасторат уже достроили, теперь домик немного меньше, но удобней и уютней. Наняли десять каменщиков и хорошего подрядчика, который теперь наведет внутреннее убранство. Церковь тоже привели в порядок, когда священник поправится, все будет готово к проведению богослужения. Только пусть поправляется побыстрее.

Много раз приезжал виконт со своей семьей, проводывали Фрая, леди Камалия лично передала много мазей, что излечивают пролежни и зуд, а еще они специально наняли доктора, который теперь проживает в городе и обслуживает горожан. Он заходил вчера под вечер, справился о самочувствии. Хотя дама опустила тот момент, когда опытный эскулап развел руками, не в состоянии объяснить природу заболевания пастора.

– Но я же знала, что ты проснешься, – мягко заметила Фрейлин.

Она упомянула про Марию, и что бедняжка сейчас отдыхает, после суточного дежурства у одра брата, и ее дядя тоже. Все дежурят поочередно, разделяя эту ношу поровну, надолго они не покидают гостиничные комнаты, где ныне обитают за неимением жилья. О благоустройстве позаботился сэр Форттрайд, не принимая никаких благодарностей, так же он за свой счет оборуудует пасторат и церковь.

Три дня назад сюда приезжал епископ Глостерский, собственной напыщенной персоной. Слухи о свержении демона достигли церковных ушей, а этот индюк решил поиметь славу, ведь это он возводил Уэнсли в сан. Хотя презрительный взгляд не утаился даже от самого нищего бродяги. Его преосвященство благосклонно предложил перевести сюда одного из своих соратников, ибо молодой пастор может и не поправится вовсе. Но уполномоченная комиссия, состоящая из уважаемых джентльменов Дарквудса (виконт Беррингтон, мистер Уэнсли и мистер Стоксон) возмутилась такому решению клирика и выдворила его восвояси. Потому что все верят, что Фрай Уэнсли поправится.

Фрай невольно вздохнул, его рассказчица так же.

– Наверное, теперь он не скоро вернется, если пожелает когда-либо здесь появиться. В особенности, после разговора преподобного с Эдвардом Уэнсли. Твой дядя, неожиданно для многих, решил податься в политику, его общественные выступления уже пользуются популярностью. При таком подходе он вполне может занять место мэра Дарквудса и Престона. Ему во многом помогает виконт, они теперь не разлей вода, хотя не отказывают себе в удовольствии упражняться в словесной дуэли. Нам только твоего общества не хватает.

Фрай смотрел на рассказчицу и пытался кивать, хотя это у него удавалось очень вяло, они вполне понимали друг друга. Вскорости его напоили теплым бульоном. Желудок радостно булькнул. В обед проснулась Мария, она бережно обняла родного человека, рассказала, как тяжело ей было видеть его бессознательного, но вера вернула Фрая к жизни. С ним поговорили, но боясь излишне переутомить, оставили отдыхать. Молодой человек задремал ненадолго, но вечером ему сил хватило принять более обширное общество у себя в комнате. Новость о пробуждении пастора достигла даже стен Беррингтон-холла и обитатели замка тут же потянулись поговорить со священником.

Виконт приехал со всем семейством, в маленькой гостиничной комнатке было не протолкнуться, Мария радушно приветствовала всех гостей. Они немного поговорили, а потом мистеру Уэнсли и сэру Фортрайду разрешили подняться в спальню к больному. Фрай встретил их в сознании. Его зрение потихоньку восстанавливалось, теперь он видел не только очертания, но мог четко сфокусировать взгляд.

Виконт выглядел великолепно, переезд в родовое гнездо пошел ему на пользу – посвежел, помолодел, щеголял нарядами по последней моде, облачившись в темно-синий сюртук и вместо шейного платка, натянув бабочку. Но гордостью в его наряде была высокая цилиндрическая шляпа, которую он держал в руке с родовым гербом, сделана на заказ в лондонской лавке «Милль и ко».

– Как поживаете, дорогой друг? – спросился он. – Жду вашего выздоровления и устраиваю грандиозный праздник, мы тут с мистером Уэнсли посоветовались, хотя его скучнейшая натура сейчас трудится на благо нашего края, но в вашу честь он милостиво согласился присутствовать на приеме.

Эдвард хмыкнул, их развязная дружба переросла в спор интересов или упражнение в остроумии. Они и сейчас могли бы развязать приятельский поединок, но в первую очередь помнили о плачевном состоянии Фрая, которому положено умеренное общение и отсутствие разного рода волнений, в особенности – обращение в свары.

– Фрай! – обратился дядя. – Я рад, что ты уже поправляешься. Я и сам таким был, но хотелось бы, чтобы эта странная слабость, наконец, тебя отпустила. Не могу понять, почему целебный нектар источника не вернул твои силы. Посмотри на его светлость – скачет, как кузнечик и щеки зарумянились. А ты лежишь будто тень, а не человек.

Фрай и сам не мог ответить на этот вопрос. Высшие силы не делились с ним прозрением, а сам природу недуга он разрешить не мог. Вполне возможным обстоятельством явилось то, что во время ритуала что-то пошло не так, или его привязка к демону сильнее положенного, а избавление от чудовища отняло все силы души. Но тогда не было времени разбираться, ныне теперь молодой джентльмен будет бороться за жизнь.

Дядя и виконт скоро удалились, первый этаж наполнился жизнью и голосами, а Фрай лежал в уютном полумраке, слушая песню дождя – его единственное развлечение. Послушное одиночество сидело рядышком молчаливым слушателем, а живой человек рассуждал о прошлом, наполненном всевозможными опасностями, испытаниями, знакомствами и чувствами. Его натура долго спала, не подавая о себе вестей, прежде чем ее всколыхнула красивая, грациозная девушка с рыжими волосами, в соломенной шляпке, одетая не по погоде, с блеском изумрудных очей и алыми устами. Сегодня эта девушка выглядела уставшей, и все по причине постоянного беспокойства. Сердце защемило, окунувшись в море печали – нет, может, хватит издеваться над родными, пора найти в себе силы и подняться с кровати, вернуть в это хилое тело немного жизни и достойно продолжить служить Богу и людям, которые ожидают возвращение пастора, ибо нет большей благодати, нежели духовное богатство. Как хочется окунуться в полноту жизненного круговорота, с той разницей, что больше не надобно бояться встречи со страшным сном. Ведь теперь долина свободна от всяких притязаний. Вздох стал более уверенным, может эти размышления заставили разум найти в себе резервы, которые доселе мирно почивали в ослабленном теле?

«Хватит, я достаточно потерял времени, чтобы попросту сдаться. Разве для этого старался, питая тихую надежду заполучить нормальную жизнь, о которой мечтал в начале пути? Мои друзья рассчитывают на меня, но я даже не пытаюсь выкарабкаться из бездны отчаянья».

В конце длинного, черного туннеля, что казался бесконечным, блеснул луч надежды, осветив путь борьбы. Молодой человек задремал, окутанный радушными надеждами завтра проснуться и бороться за жизнь, во имя себя, во имя своих друзей. Его бесцветный сон, который в прошедший месяц окунал в забытье, окрасился яркими цветами. И было здесь все

наполнено жизнью: шелестели вековые деревья, плыли кучерявые облака, гулял по просторам ветер, сгибая сочные травы к земле, что плавно поддавались воздушной стихии, но тут же безмятежно тянулись к небесам. Он шел извилистой дорогой, наполненной жизнью природы – самым сильным борцом, который борется за выживание в самый трудный час. Летнее солнце освещало путь одинокому страннику, что не спеша уходил в неизведанную даль, наслаждаясь каждым своим движением. Он был именно таким, а не тем дряхлым рохлей, пролеживающий дни в гостиничной комнатухе, где не светит солнце, не поют птицы, не кипит жизнь.

– Смертный, рада видеть тебя, почитай безнадежно застрявшего в мире Ожидających, – молвил знакомый, грубый, женский голос.

Фрай узнал хозяйку этого примечательного голоса – Аль-Тур-Дрею – его спасительницу из мира мертвых, судью и друга. Он улыбнулся, наверное, жаль не мог этого увидеть в отражении.

– Скажи мне, дивное существо, что со мной случилось, почему силы оставили меня?

– Видимо, Сильные мира сего испытывают тебя, размышляя, нужен ли твой дар и жизнь в дальнейшем. Не сдавайся, смертный, не отдавайся в их безразличные объятия, у тебя есть самое ценное сокровище – любовь и забота небезразличных тебе людей.

– И сколько они будут играть моей жизнью, Аль-Тур-Дрея? Я уверен, ты знаешь ответ.

– Знаю, но обязана молчать. Но раз ты не умер, значит, в твоих услугах нуждаются...

– Тогда чего же мне ожидать, скажи, не таясь? Ведь демон повержен.

– В твоём случае – только новых неприятностей, и не один этот демон, таящий опасность, никто не сможет отменить великой заговор ничтожных предателей, ныне они связали свою мощь в служении другому хозяину, в котором течет кровь пустыни...

Фрай печально выдохнул, кажется его предназначение не исполнено. Новые враги и новые неприятности впереди, а он такой больной и беззащитный, потерявший свой жизненный ориентир и не знающий, сможет ли дальше продолжать борьбу с неведомым противником. Дрея слушала его рассуждения, не торопя человека открывать новые дали своей природы. Она ведь знала, что ему выпал тот редкий жребий, когда унаследованный дар будет и далее в нем возвращать, чтобы не допустить угасание великого рода. Впрочем, автор не имеет право пока раскрывать рассуждения мудрого существа, жителя Прекрасной долины, ибо все тайны становятся явью, а человеческий путь указан примерным ориентиром.

Фрай мягко переместился в глубокий, спокойный сон, набираясь сил. Его сердце сегодня стучало уверенней, разгоняя по телу кровь и его волшебство. Нет, наш герой еще не списан со счетов, теперь он стал мудрее и выносливей, готовый постичь всю тайну незримых миров, наполненных неизведанными приключениями. К чему все эти слова, это ведь предисловие, но оно необходимо, ибо жизнь не наполнена едиными красками, и порой время заполнено серыми паузами, когда человек переходит определенную грань, постигая новую жизнь. Назавтра Фрай Уэнсли – пастор дарквудского прихода – проснется уже иным, не таким слабым и безразличным, что до сих пор наполняло его будничность. Он подымится со своего одра и примется бороться с неизвестным еще злом, но не в час недуги, а в час здоровья. Кто его следующие враги, каким новым испытаниям подвергнут те, кто наблюдает за слабым человеком, продолжая играть в свои игры? Нет, сейчас это еще тайна.

Его мерное сердцебиение слушала преданная сиделка, чей героический путь пройдет нелегкими, ошибочными поступками. Но все это покоилось в прошлом, отделенное гранью новой жизни. Разве не имеет всякий грешник право на искупление и не достоин ли начать жизнь заново – думается, что для совы наступил тот новый час, когда Великие и Незримые мира сего нуждаются в ней. Они играют человеческими судьбами, расставляя пешки по великой шахматной доске жизни и две маленькие пешечки, доселе бесполезно ожидающие у края, вдруг получили новое предназначение. Неожиданно, в этих бесполезных оболочках усмотрели выгодные раскладки, подхватили и перенесли на новые позиции. Борьба продолжается...

Фрейлин пощупала его пульс, удовлетворенно отметив, что молодой человек уже уверенно дышит, и его бескровные губы стали розовее, а веки вздрагивают – больной пошел на поправку, великое чудо свершилось, горячие молитвы услышаны. Леди нежно поцеловала восковый лоб, что уже не отдавал холодом. Ее бодрствование окончено, дама склонила голову около мирно спящего, умиротворенно задремав, и даже не ощущая, как ее руки и шея опутались синеватыми паутинками, которые очертили рисунками все ее тело. Нет, она по-прежнему мирно спала, а ее сущность менялась – сильная, воинственная птица воскресла в теле обычной женщины. Как и в прошлый раз, над ней учинили мастерское колдовство, но нынче уже никто не намеревался привязать гордую натуру к себе насильно, только добровольно Фрейлин могла отдать свою жизнь. Полупрозрачные, тонкие ниточки неровно мерцали, постепенно сплетались между собой, образуя нити толще и ярче. Две силы – две жизни, объединялись, ими руководила неведомая магия, что исходила отовсюду. Лишь на краткий миг Фрейлин почувствовала себя как-то странно, глубоко вдохнула, поддалась вперед, ее голова поднялась и запрокинулась вверх, но дева не просыпалась, пребывая в глубоком забытьи, внутренне ощущая прилив новых сил, деятельной энергии – навстречу ей пастор выгнулся дугою, тяжело дыша. Его нити силы так же потянулись к возлюбленной, начали потихоньку объединяться, ибо свой осознанный выбор дама уже некогда сделала, даже дреяма была бессильна перед тем чувством, которое испытывала Фрейлин, но именно это спасло пастора, этой магией дивная сущность излечила смертельные его увечья, нет ничего мощнее настоящей любви, которой многие пренебрегают. И нет ничего убийственной слез обиды, нанесенной влюбленному человеку, когда весь поток непотребной любви направлен против жестокого сердца. Но нынче магия любви излечивала, ибо была взаимна. Эти двое не могли видеть, что с ними происходит, они не ведали, что их судьбы решили скрестить и отныне никогда уже они смогут жить порознь. Ритуал окончен, нити сплелись воедино, замерцали на телах, потом полностью впитались и пропали, колдовство окончено, но его вела не темная сущность, это была великая магия Светлых, которые открыто не появляются, об этих великих прорицателях будущего знают не многие, но в их руках вершится судьба человечества.

Где-то в небесах скользнула одинокая звезда, будто слеза скатилась на землю, обычно в народе их называют «падающими звездами» – влюбленные парочки загадывают желание, матери улыбаются, колыхая ребеночка в люльке, суеверные старухи крестятся. Но подобные небесные тела бывают разными, одни приносят удачу, другие призваны дарить несчастье. Эта же звезда упала в пустыне, где вечные пески перемещаются на огромные расстояния, когда здесь ночь, на охоту выходят необычные существа, они бестелесны, ибо это блуждающие души путников, что потерялись в пустыне и погибли. Но они все равно возвращаются, чтобы найти дорогу. Звезда упала в мягкий песок, глубоко зарывшись, но ее мерцание привлекало внимание, над ней парили млечные дымки, духи заинтересованно рассматривали подарок небес, шептались звуками ветра. Звезда была не звездой вовсе, она превратилась в шкатулку, такую яркую, облаченную в сверкающий металл, крышка немного скрипнула и приоткрылась. Но духи испугались этого, они увидели, что лежало внутри упавшего дара, нет, эта вещь принесет большие беды на головы тех, у кого окажется. Млечные дымки отлетели, спрятались в днах, но ведь шкатулка так и осталась, тая в себе опасность. Оттуда послышался треск.

Великие снова предпочитают затеять игру, пока что силы не равны и противник однозначно сильнее. Но ведь пастор тоже не так прост, и еще не раскрыл в себе те силы, которые только недавно пробудились в нем. Брахта повержен и заключен вечным стражником у врат ада, посылающий души на вечные муки, но единственно ценною душой не обладает. И никто больше не призовет сильное чудовище, ибо дарквудский портал обрушен. Вот только последователи демона не пытаются воскресить великого стражника, и теперь обратились к злу, которое веками покоилось в недрах дюн.

Падающие звезды бывают разными – одни приносят удачу, другие призваны напустить на головы все несчастья мира. Ритуал завершен, небесное тело очутилось на земле, теперь стоит достать из сверкающей шкатулки то, что надежно было в ней спрятано. Недаром же маленькие духи так испугались, они разгадали то, что покоилось в ларце...

ГЛАВА 2. Первое знакомство со скарабеем

Фрай проснулся, открыл глаза и удивленно осмотрелся. Что-то с ним произошло, вот только он не мог еще этого объяснить, в какой-то момент вспомнилось прошлое, наполненное тяжелыми испытаниями, затем шло медленное бляение жизни на грани, еще вчера он еле мог двигать пальцами, а ныне спокойно поднялся с кровати. Фрейлин рядышком не было, она ушла спозаранку, чтобы позже вернуться с тазом воды, вот только молодой человек уже не нуждался в сиделке, ему не терпелось спуститься вниз, увидеться с родными, поговорить нормально, потом выйти на улицу, подышать свежим воздухом. Эти стены ограничивали его жизнь, пора их покинуть. Молодой человек поднялся, размял руки, ноги, походил по комнате босиком. Его тело слушалось, как и прежде, чему он был нескончаемо рад, теперь точно он готов двигаться вперед. На прикроватном столике стоял графин с водой, Фрай принялся приводить себя в порядок, нашел одежду, аккуратно сложенную в шкафу, ибо все верили в его выздоровление. Пастор стал похож на красивого джентльмена, производящего на окружающих приятное впечатление.

Фрейлин, как обычно, прихватив тазик с водой, направилась наверх. Она никого не допускала, особенно служанок, трепетно исполняя положенную утреннюю процедуру омовения. Перед тем в кухне, дама столкнулась с Марией, поговорила о необычных снах, что снились ночью. Молодая девушка не спроста спустилась спозаранку, она хотела заказать новое меню к завтраку, ибо сегодня к дяде должны были приехать какие-то визитеры, дамы поговорили и разошлись.

И какое же было удивление рыжеволосой дамы, не нашедшей Фрая в постели. Первые минуты она растеряно разглядывала перед собой – вот кровать, в которой он мирно спал, когда она уходила, но сейчас его нет! Фрейлин недоумевающее мотнула головой, раздумывая, может она задремала, ожидая служанку, но наваждение не проходило, все казалось реальностью. Сзади кто-то нежно прикрыл ей глаза руками. Таз полетел на пол, вода расплескалась по гостиничному ковру, девушка схватила незнакомца за руки, резко прогнулась в сторону и опрокинула стоящего сзади человека наземь. Фрай не ожидал столь отчаянного сопротивления, поэтому от неожиданности полетел прямо в лужу, над ним нависла перепуганная Фрейлин. Она некоторое время тяжело дышала, разглядывая знакомые очертания родного человека, а тот непонятливо рассматривал ее и свою промокшую одежду.

– Фрай, ты поднялся? – в горячке выпалила дева сухую глупость, но затем осознала, что вот-вот чуть не прибила ослабшего больного, а ведь могла покалечить его...

– Да уж, знал бы, что случится такая неприятная ситуация, не пугал бы тебя, – немного раздраженно молвил пастор, но затем так мягко взглянул в перепуганные зеленные очи, что простил возлюбленной сей маленький инцидент.

– Я не знала... – запнулась Фрейлин, ее глаза наполнились предательскими слезами, на душе полегчало, и она бросилась ему в объятия, теперь они уже вместе очутились в луже, прильнув друг к другу в страстном поцелуе. Фрай усмехнулся, глядя очаровательную головку, его возлюбленная с такой искренней и неподдельной тревогой все еще всматривалась в бледное, исхудавшее лицо, невольно позабыв обо всем другом.

– Может, мы поднимемся и уже постоим нормально? – решил спроситься ее преподобный пастор Уэнсли, и дама осознала, что он легко простудится, если вот так будет сидеть с ней в луже.

– Извини, – они оба поднялись.– Я не верю своим глазам и ушам, они лгут мне. Я не верю, что ты так быстро поправился, может это сон или мой утренний бред?

– Нет, это реальность. Не знаю почему, но сегодня я выздоровел, видимо кто-то незримый приложил свои усилия...

Пастор задумался, ночью он снова разговаривал с дреямой, это существо воплощает в себе разные качества, и если спасло от смерти, могло спасти и от недуга.

– Боже Праведный, ты смилостивился над нами, ты даровал Фраю избавление от недуга, – молвила Фрейлин, встав на колени. Она каждый день горячо молилась за спасение Фрая. И ныне видела благодеяние Господне.

Пастор отдал должное ее религиозному рвению, а затем помог даме подняться.

– Эх, теперь снова переодеваться, – тяжело вздохнул молодой человек. Он не был тем денди, который намеренно рядиться перед каждым визитом или приемом пищи, но в мокрой одежде оставаться неудобно.

– Ах! – молвила Фрейлин. – Я распорядюсь, чтоб служанка забрала твой наряд и просушила его. – Дама и сама нуждалась в смене платья, поскольку с этого стекала вода, но еще появился повод надеть изысканные подарки из Лондона, ведь она теперь имела столько выходных нарядов, но не было повода и желания примерять их.

Молодой человек нашел второй комплект одежды, быстро переоделся, и решил обрадовать и остальных своим внезапным выздоровлением.

Внизу уже слышалась суматоха, видимо «миссис Олдбрук» подняла на ноги всю гостиницу. Молодой пастор сошел на первый этаж, и обнаружил, что его уже ожидают, время было завтракать и местное общество спустилось вниз, там же сидела Мария и Эдвард Уэнсли с каким-то господином. Увидев Фрая, сестра подскочила, до конца не поверив в сбивчивый пересказ своей подруги, дядя наскоро распрощался с тем господином и немедленно подошел к племяннику.

– Как ты себя чувствуешь? – спросился он, всматриваясь в лицо молодого человека. – Мы не поверили нашей знакомой, подумали, что бедняжка переутомила, но она оказалась права.

– Я здоров, – ответил пастор. – Стоит только немного набраться сил, но в остальном я чувствую себя прекрасно. И это воистину неожиданно, хотя я надеялся выкарабкаться однажды и вернуться к нормальной жизни.

– Нельзя было тебя оставлять одного. Фрейлин меня корила и обвиняла в том, что я жестоко поступил с ней, и с тобой...

– Нет, ты поступил правильно. Я бы не перенес того, что ты бы пострадал, там должен был находиться только я. Но давай не поминать прошлое, мне хочется побыстрее забыть те воспоминания, и никогда к ним не возвращаться.

– Да, я понимаю тебя и верю, что отныне все наладится.

Пастор улыбочиво согласился с уважаемым родственником, но потом вспомнил слова дреямы – противник еще не повержен, неприятности впереди... Еще не окончена битва, вот только с кем и когда? Но молодой джентльмен решил пока не тревожить колдуна, не стоит торопить события, потому как сам борец еще окончательно не поправился.

Ему подали мясные деликатесы из молодой куропатки и цыплят. Овсянка тоже была приготовлена без сливочного масла, на десерт – легкий яблочный пирог. Фрай ел с удовольствием, организм требовал пищи, кроме того, его всячески подбадривали.

Постояльцы сочли своим долгом радушно с ним поздороваться, как и многие жители, что видели пастора в здравии. Стоит отметить, гостиница заполнялась приезжими, потому что с легкой подачи виконта о Дарквудсе заговорили даже в столице. Многие тянулись сюда в поисках работы, приезжали богачи, чтобы засвидетельствовать свое почтение важному титулованному господину. Мистер Уэнсли тоже преуспел в гласности – его выступления с политическими лозунгами среди жителей других городов имели успех. Дарквудс ожил, в него потя-

нулись новые лица, что постепенно способствовало расширению маленького городка. И самой главной достопримечательностью, после таинственного замка, был небезызвестный пастор.

В красивом, оббитом ценными породами дерева, кабинете восседал солидный джентльмен. Его дневные труды окончены, он снял свое епископское облачение, и теперь читал корреспонденцию в домашнем халате, недовольно отбрасывая письма. Как-то не заладились его дела в последние дни, и настроение было паршивым, виной тому Дарквудская роща, в которую его черт погнал. Может и не бес, а мнение общественности, что отреагировала на ту новость, что в некоем городке творится, не пойми что. Столица не могла умолчать, ему написали высшие чиновники. Собственно, это и подтолкнуло епископа Глостерского действовать. И какая же благодарность этих людишек? Его буквально попросили катиться своей дорожкой дальше. Это возмутило гордого и себялюбивого господина, что прежде сам ставил людям условия. Несколько дней его вечерний досуг основывался на этих размышлениях, что не способствовало улучшению настроения, так же как и несварение, что приключилось в результате раздражения.

К нему постучались, вошел слуга с новой стопкой писем и сообщением, что некий господин хочет встретиться с его светлостью. Епископ поморщился, во-первых – когда это он умудрился собрать столько непрочитанной корреспонденции; во-вторых – что за ночной посетитель, кому вдруг вздумалось тревожить его покой? Рассерженный епископ откинулся на спинку стула, давно он не получал известий от Персиваля, его догадки относительно нечистого на руку приятеля, который обещался все уладить в высшем совете призрачного министерства, начали оправдываться. Это еще больше расстроило важного клирика – в его окружении не было больше магов. Епископ Глостерский давно уже имел виды на пост секретаря министра по использованию магических артефактов. Он видел своего сына на этой должности, что разрешило бы финансовые трудности молодого отпрыска и предоставило бы его отцу перспективы укрепления собственной власти среди церковного духовенства – никто не отважится выступить против специалиста артефактики. Власть была для него всем, а еще финансовые потоки церкви, над коими он хотел установить безраздельный контроль. Но граф таинственно исчез, возможно, затаился, не посчитав нужным сообщить об этом епископу. Тот негодовал.

Его размышления были на пике домыслов о самом худшем развитии событий, когда дверная ручка поддалась. Клирик недоумевающее приподнял бровь, неужели он дал не четкий приказ слуге, что занят и не может принимать посетителей, или негодник вернулся еще с какими-то письмами?

Дверь открылась, и в пороге показался мужчина в балахоне. Что за странное одеяние, он, конечно, понимает, что является служителем церкви и все такое, но к чему подобный маскарад? Меж тем, посетитель медленно двинулся по направлению к его преосвященству, спрятав кисти рук в длинных рукавах балахона – раньше так поступали монахи римско-католической церкви, когда не желали, чтобы к ним прикасались, и без спросу сел в кресло.

Епископ, однако, хмыкнул от подобной наглости, но посетитель, чье лицо так хорошо скрывал широкий капюшон, не двинулся. Судя по облачению, визитер был богатым человеком – дорогое сукно с серебряной вышивкой на темно-бордовом одеянии.

– Вы озадачены, святой отец, – гнусаво-шипящим голосом начал свою отповедь незванный гость. – Вы, видимо, слишком заняты, но и мое дело важное, и я не могу ждать.

– Ну и чего же вы хотите? – поинтересовался епископ, не меняя удобной позы.

– Поговорить, поскольку дело у нас общее...

– И чем же вы пришли заинтересовать меня, предупреждаю, я не размениваю свой интерес на всякие мелочи?

– Это не мелочь, вы же хотите власти...

– Может и хочу, и что с того?

– А я могу вам дать эту власть, что кроется в кулуарах призрачного министерства.

– А вы откуда...

– Я все знаю, и про вашего приятеля Персиваля тоже. Он мертв, и не ждите от него вестей, больше он вам ничем не поможет. Теперь я ваш единственный шанс...

– И что вы хотите взамен? Не думаю, что вы, уважаемый, пришли просто так мне помочь.

– О, это выполнимо. Скажем, мне нужны сведенья об одном приходе...

– Просто сведенья?

Визитер поддался чуть вперед, будто его капюшон мешал рассмотреть лицо удивленного епископа. Простой балахон качнулся, словно стал отдельно двигаться.

– Ну так что, ваше преосвященство, вы согласны?

– Буду рад помочь, не могу же я оставить интересующегося человека без полезных сведений. Спрашивайте?

– Что вы знаете о Дарквудских рощах?

Епископ скривился, будто ему свело челюсть. Он до того не хотел вспоминать об этом захолустном приходе, вечно там происходили какие-то непонятные происшествия, которые, откровенно говоря, доставляли одни неудобства. А еще там обосновались наглые прихожане, что не чествуют столь высокопоставленное лицо, коим являлся епископ Глостерский.

– Обычный приход, сейчас там заведует молодой пастор, как его там... м-м-м, кажется Уэнсли, – епископ задумался, хотя это было честью, что он запомнил имя обычного vikария, без всяких должностей и связей.

Капюшон шелохнулся, видимо его обладателю стало интересно послушать о новом пасторе.

– Он недавно принял приход, я сам его возвел в священники. Затем, там начали происходить непонятные вещи и сейчас этот самый священнослужитель при смерти...

– При смерти, стало быть, – противно прошипел визитер, хотя в этом угрожающем шепоте проявилось довольство. – Что ж, отлично...

Он поднялся, полы его убранства шелохнулись, неестественно развеявшись, но тут же приняли обычную форму, кажется, посетитель уже решил уходить, епископ решил, что самое время напомнить о своих интересах:

– Теперь ваше время выполнять то обещание, чтобы я удостоверился, что наш договор в силе, – он предполагал, что странный посетитель обяжется свести епископа с министром и устроить личную встречу, где они договорятся относительно хорошей должности для сына.

– О-о-о, простите, совсем забыл, я же обещал вам дать власть, и я сдержу обещание...

Балахон качнулся, посетитель поднял широкие рукава, и оттуда показалась костлявая рука, перебинтованная грязными тряпицами. Епископ аж скривился, увидев это убожество, но потом похолодел от ужаса – рука на самом деле состояла из одних костей, которые хрустели, когда двигались. На безымянном пальце сверкнуло достаточно драгоценное кольцо с огромным изумрудом и россыпью мелких алмазов, которые переливались кровавым отблеском при свете пылающего камина и свечей. Это заворожило жадного и алчного человека, который теперь отвлекся на драгоценность, не обращая внимания на странности посетителя. Меж тем, в руке одного неожиданно оказался скарабей. Это был живой скарабей, только огромный. Его панцирь переливался разными полутонами, а крылья состояли из тонких золотистых пластинок. Жук недовольно пошевелил усиками, будто ему вовсе не нравилось оказаться здесь. Рука бережно опустила величественное насекомое на стол, тот ловко спрыгнул, осмотрелся своими крохотными глазиками, сложил крылышки и прошествовал в направлении епископа.

А незванный гость, тем временем, начал произносить некие слова на неизвестном наречии, шипя и присвистывая, да так противно, будто скрипела ржавая калитка. Епископ Глостерский поражался всему ранее, не придавая такого значения, но чем дальше развивались события, тем меньше ему это нравилось. Рука вначале испугала, что с ней случилось? Но потом блеск камней

затмил эти размышления. А теперь это насекомое, которое кажется нереальным существом, да что ж это за игры такие?

Человек стал опасаться и не зря. Скарабей подошел к краешку стола, где сидел его преосвященство, недовольно шевельнул усиками, от чего послышалось легкое дзычание, а говорящий, тем временем, завершил свой монолог и поклонился жуку. Он поклонился жуку!

Клирик подумал, а не позвать ли слугу и выпроводить восвояси этого посетителя, что-то ему становится страшно, какие-то нехорошие мысли полезли в голову и что это насекомое намеревается делать? Клещи у него внушительные, еще вцепится ненароком в нежное тело и откусит кусочек. От подобной мысли, епископа передернуло, словно по телу прошел разряд молнии. Нет уж! Пора на выход!

– Гильтон! – позвал его преосвященство, и позвонил в колокольчик, что свисал неподалеку, прикрепленный шелковой нитью, золотистого цвета. – Гильтон, выпроводи гостя! Немедленно!

Но за дверью было по-прежнему тихо, вдруг незванный визитер рассмеялся и его жуткий смех явно пришелся епископу не по душе, подобное даже раздражало.

– Смертный, ты испугался и призываешь своего слугу, вот только могу тебя расстроить – твой раб мертв, он не хотел меня впускать.

– Что!? Вы убили Гильтона? Вы угрожаете мне?! – кажется, в последнем вопросе послышалось отчаянье.

– Не угрожаю, предупреждаю. Хотя твоя особь ничтожна, она избрана служить высшим целям, но сам, ты, уже не жилец.

Скарабей угрожающе шевельнул усиками, распахнул крылья и прыгнул, приземлившись прямо у носа епископа. Тот соскочил с кресла в ужасе, пытаясь избавиться от противной нависшей на нем букашки. Но жук намертво вцепился в щеку.

– А-а-а!!! Отпусти меня! Что вы делаете!? – в отчаянии вскричал важный господин.

А в ответ услышал лишь смех, теперь посетитель больше не таился под тенью балахона, капюшон слетел и на человека воззрился мертвец, отчасти перебинтованный, он состоял из костей, сухожилий и тряпок, вместо обычных глаз, зеницы не обрамленные веком, нос и губы истлели, вместо этого ему зубоскалил череп. И было в этом мертвце столько песка, что тот сыпался на полированный стол, да и тропка в кабинет была усыпана сыпучими крупинками.

Человек боролся с насекомым, пытаясь его отодрать, а скарабей тем временем легко распорол ноздрю, от чего хлынула красивая алая струйка крови и начал влезать внутрь головы, и ему это удавалось. Епископ в ужасе кричал, его вопль эхом бороздил коридорами, но никто не приходил на помощь. А странный мертвец продолжал хохотать. Когда скарабей полностью взобрался в ноздрю, человек упал, пару раз выгнулся в конвульсиях и притих, распластавшись на полу...

Тем же вечером, Фрай сидел в кругу друзей и родных, в обители горделивого виконта Беррингтона. Фортгайд обрадовался такому пополнению его кружка собеседников. Хотя Эдвард умел парировать все дружественные выпады вельможи, по разумным речам преподобного пресвитера Уэнсли тот уже соскучился. А ничего так не способствует выздоровлению, как возвращение к привычному для всех занятию.

– Смеею заверить, судьба твоего дяди меня порой волнует больше, чем ноющий зуб. Челюсть сводит от боли, а я все о нем пекусь, как поживает наш новоиспеченный политический деятель, какие успехи в его поприще?

– Сдается мне, вы каждый день в поисках меня проводите, встречаемся ежедневно, все события у вас на слуху, даже с кем я обедаю и сколько раз.

– Вот видишь Фрай, я о нем забочусь, будто о родном брате, а этот нахал еще и жалуется.

– Еще чего, братьев у меня предостаточно, только вот я с ними не в ладах, прикажешь и с тобой поссориться?

Фортрайд хихикнул, он достоверно знал, что без некоторых его рекомендаций, мистеру Уэнсли не светила бы такая стремительная карьера, о нем бы до сих пор не заговаривали серьезно, особенно в обществе политических мужей. На этом он не раз концентрировал внимание друга, но ради того, чтобы потешить свое самолюбие. Да и к тому же, это был повод, чтобы почаще встречаться. Пастор молчал, посмеиваясь над этой парочкой, им явно не хватало общества друг друга в прошлом, теперь они компенсируют упущенные возможности.

– Мистер Уэнсли, – заговорил Эндрю. – Мы рады, что вы поправились. Отец грозился устроить бал в вашу честь, смею утверждать, этого охотно ожидает вся округа.

– Ну, мисс Уорвик так точно, – ловко подметил Джордж, улыбаясь в унисон с Марией. Что скрывать, столь неунывающая девица, как Кэтрин, смогла окончательно вскружить голову младшему сыну Батлера. Теперь братья спокойно отправлялись в гости к своим будущим невестам, встречались на площади и разгуливали улочками Дарквудса, уже вчетвером. Им даже не требовалась Фрейлин, в качестве провожатой, да и дама была всегда занята уходом за больным, ей вовсе было не до прогулок.

– Нет уж! – воспротивился священник. – Чего, чего, а празднеств в свою честь я пока не хочу, надоело постоянно быть в центре внимания, я ведь так могу переутомиться и снова слечь.

Родные сразу обеспокоились речами пастора, виконту пришлось отложить все свои намерения на неопределенный срок. Да и главная зачинщица этой идеи – Кэтрин Уорвик – сегодня не присутствовала, поскольку их семейство пригласили на крестины, но в любой другой день, она бы сидела в обществе, как полноправная гостья. Леди Камалия нашла в угодливой мисс Уорвик приятную собеседницу и дополнение к своему кружку вышивальщиц, которыми теперь заведовала каждый вторник в главной ратуше. Это женское сообщество занялось благотворительностью. Особенно дамы собирали средства на приобретение учебников и канцелярии для новой благотворительной школы, для сирот, которую виконт решил построить по желанию пресвитера Уэнсли и его дяди. Сэра Фортрайда девица тоже покорила, поскольку могла без стеснения спорить с ним относительно улучшения поместья, что раззадоривало энергичного виконта. Как-то ненавязчиво она покорила это семейство, чему, безусловно, радовалась ее матушка, предвидя для дочери отличную партию. Но Мария тоже была на особом счету, никто не мог вычеркнуть достоинств этой маленькой девушки, которая не приезжала так часто, только из-за постоянного ухаживания за братом в помощь Фрейлин. Все благосклонно посматривали на будущую виконтессу, но пока она была любимой невесточкой (как любила поговаривать леди Камалия), тем ангелочком, что творил добро и стеснялся.

И самое главное, все заговорили о скорой официальной помолвке влюбленной парочки, а может даже нескольких, все дожидались выздоровления пастора, ведь он должен был венчать предстоящих молодоженов.

Фрай улыбнулся, взглянув на счастливое выражение лица своей вертушки Марии, сестра будто подросла, стала настоящей леди, или он до сего времени не слишком то и уделял ей внимание, всегда обеспокоенный своими проблемами. Теперь он покоен за округу и действительно, пора уже заняться благоустройством судьбы любимой родственницы, раз препятствий больше нет.

Пастор подозвал виконта на приватный разговор, пришлось брать на себя обязанность старшего родственника, за неимением отца, да и от последнего не ждали вообще ничего, даже приданного, что в общем-то, поначалу, расстроило и брата и сестру, но сэра Фортрайда лишь посмеялся над этими опасениями, пусть мистер Джон Уэнсли оставит те крохи себе, об обеспеченности молодой четы побеспокоится родовитый вельможа. Фрейлин довольно взяла руку подруги и пожалала ее, свадьба всегда являлась главным праздником, а в жизни каждой девушки она оставляла неизгладимое впечатление, но самое главное – Мария ведь соединит свою судьбу

с Джорджем, теперь они будут вместе и в горе, и в радости. Двое голубком были преисполнены всяческих надежд, все так отлично складывалось, даже здоровье брата не вызывало опасений, ну кроме его предыдущих слов, которые, к слову, направлены, чтобы поумерить пыл энергичного виконта, которому не терпелось устраивать приемы по любому поводу. Хотя вельможа все же мечтал пригласить лондонское общество в свой особняк, и познакомить местных жителей с изысканностью столицы.

ГЛАВА 3. Предсвадебная суета и ожидание благословения.

И хотя первоначально мисс Уэнсли планировала сочетаться браком в один день с братом, впоследствии ей пришлось сменить решение – Фрай сказал, что обвенчает их, а уж потом и о своей свадьбе подумает. Причиной тому было обустройство пастората, к чему томить ожиданиями влюбленную парочку, если Фрейлин сама предложила подождать с венчанием, хотя от официальной помолвки не отказалась (как сказала вездесущая мисс Уорвик – Ну наконец-то эти двое прекратят водить округу за нос).

Это решение устроило многих, официально помолвка состоялась у Джорджа с Марией, хотя тут же Эндрю завел подобный разговор с отцом, что не прочь назвать Кэтрин своей невестой. Между мужчинами семейства Батлеров состоялся очень важный разговор. Во-первых – виконт поставил условием младшему сыну все же окончить университет, предполагалось, что Эндрю прослушает курс юридического права и впоследствии сможет занимать должности от адвоката до судьи. Во-вторых – стал вопрос о наследстве, поскольку Джордж наследовал имя Беррингтон-холла. Правда, сэру Фортрайду от родителей досталось небольшое имение в Суссексе, которое до того времени приносило небольшой доход, но именитый вельможа мог отписать его младшему сыну. В общей сложности, если вплотную заняться делами Хэмперта, то тогда доход сына составит две тысячи в год, с учетом доходов вельможи от лесопилок, которые теперь окупались. Когда все денежные вопросы были решены, растроганный сэр Фортрайд и леди Камалия объявили о помолвке сразу двух своих сыновей. Хотя тут же встал вопрос о проживании молодоженов после свадьбы. Мария не помышляла уезжать из Дарквудса насовсем, так что ее вполне устроил Хиллидж-форд, а вот Кэтрин была в восторге поселиться на время в Лондонском особняке, пока виконт не приведет дела в Хэмперте в порядок, да и небольшое переустройство старого дома вполне уместно. Пока что, имение сдавалось в аренду, но сэр Фортрайд обещался уладить все дела. Незамужние подруги мисс Уорвик с нескрываемой завистью посмотрели на удачливую подругу, у которой из приданого было десять фунтов годовых. Но она состоялась, как протезе виконтессы и могла позволить себе полностью обновить гардероб.

После таких заявлений, новостей и занятий в округе прибавилось, потому что впереди были две столь роскошные свадьбы, молва о которых будоражила дарквудцев. Виконт добровольно взялся организовывать свадебное торжество, даже церковь принарядили в честь такого события. Леди Камалия принялась к подготовке невест к торжеству, наняв портних из столицы. А Фрай Уэнсли потихоньку возвращался к обыденной жизни. В воскресенье он провел службу, потом посетил нескольких прихожан: исповедал умирающего старца, назначил крестины младенцу. Он ходил в своем неброском, сером костюме, в шляпе с тростью. По обычаю того края, он всех приветствовал, разговаривал, интересовался. Никакой другой священник так бы не полюбился пастве, как пресвитер Уэнсли, с его способностью очаровывать публику.

Июль мягко уступил место августу, летнее солнце, прогнав тучи, засияло на чистом небосклоне. Роскошно стояли пшеничные поля, трава поднялась с человеческий рост, благоухали спелые груши, вокруг которых жужжали пчелы. Рябина деловито окрасилась в ярко-оранжевый цвет, поспела голубика. Пастор был счастлив, заимев обычную жизнь, наполненную лишь житейскими заботами, он обрел долгожданный покой. Теперь его размышления сводились к

тому, что было бы, если б незадачливый дух графа Мальборо смог поговорить со своей супругой, но Фрейлин никогда о том не заговаривала.

Тем временем, неумный виконт воскресным вечером, после дневных забот, созвал срочный совет, потому как всякая подготовка без препятствий, вернее, некоторой не очень удобной ситуации, не обходилась. Дело в том, что Мария написала своему отцу, прося у того благословения, но ответа не последовало и девушка очень переживала и печалилась от того, что родной человек затаил обиду. Фрай и Эдвард скептически хмыкнули – отец из принципа решил отстраниться от сына и дочери. Мистер Уэнсли того и предполагал, что это вполне логичный ответ от черствосердечного человека. Но эту маленькую курьезную ситуацию следовало решить, Мария обратилась к своим родичам в надежде, что они помогут.

– Если я поеду его уговаривать, – заявил Эдвард, – скорее всего, он тебе вообще откажет в благословении. Этот зануда и скряга является еще и закоренелым подлецом.

– Мои доводы его тоже не тронут, – задумчиво молвил Фрай. Он настолько потерял ту родственную связь с батюшкой, что порой считал того чужим человеком, хотя четыре-пять месяцев назад без позволения отца и шагу боялся ступить.

– Ну, и кому поехать? – спросился виконт и взгляды, обращенные на него, ему не очень понравились. – Неужели вы предлагаете мне поехать и уговаривать будущего свата? И что я ему скажу, мы ведь даже не знакомы.

– Вот именно! – поднял указательный палец Эдвард. – Напустишь лоску и суровости, расскажешь, что у тебя денег куры не клюют, авось этот пень клюнет и раздобрытся. Смелее, ты же чистокровный аристократ с длинной родословной.

Фортрайд деловито приосанился, важно почесал подбородок и проговорил:

– В принципе, идея неплохая. Если для него важны деньги, то он не откажет. Ладно. Милая барышня, пишите адрес, постараюсь польстить его своим аристократическим происхождением, ох уж эти отцы и дети. Вот я своих сыновей полюбовно из гнездышка выдворяю, правда теперь нам – старикам – с леди Камалией, придется доживать век в одиночестве...

– Милорд, вы уж не утрируйте, – хмыкнул Эдвард. – Можно подумать, вы сложите руки и будете в замке отсиживаться, сдастся мне, теперь вы будете испытывать свою деятельную натуру на остальных родственниках, а уж от меня и вовсе не отстанете.

Фортрайд довольно улыбнулся, что-то, а сидеть сложа руки он никогда не любил, да и общество пастора и его дяди, и взятых вместе оных ему нравилось, он мог окружить себя многочисленными друзьями и об одиночестве не думать вовсе. Леди Камалия, однако, заварила, что будет ожидать возвращения Марии и Джорджа из свадебного путешествия, а пока что дама займется обустройством новой школы, которую вот-вот предполагают открыть для детей бедняков и обучать за благотворительные деньги.

Виконту ничего иного не оставалось, как собираться в дорогу. Эдвард подумывал о встрече в Престоне, где он твердо решил баллотироваться в меры. Собственно, Дарквудс подпадал под его поле деятельности. Мария немного успокоилась, положившись на сэра Фортрайда, и продолжила подготовку к свадьбе. Двумя друзьями выбрала Шарлотту Весли и Хану Стоксон, хотя семья ее жениха не очень-то в последнее время общалась с мировым судьей, им вполне могли не послать приглашение на свадьбу. Но кроткая и добрая мисс Уэнсли простила все проступки мистера Стоксона и хотела таким образом примирить две семьи. Кэтрин избрала двух сестер Весли – для полноты комплекта и чтобы ее торжество видели все предполагаемые кандидатки. Платья невест из нежно-голубого и белого шелка и органзы, поражали своей вычурностью и стилем. Будущая свекровь не жалела средств на подвенечные наряды, ее невестки будут очень достойными молодыми леди. И хотя двух наследников виконта ожидали партии повыгодней, но те пожелали жениться по любви, поскольку порой столичные дебютантки поражали своей холодностью и отстраненностью, и не годились в подметки кроткой Марии и живой Кэтрин.

До свадьбы оставалась неделя, хлопот не уменьшалось, да и волнений прибавилось. Молодые люди не прогуливались уже несколько дней, у каждого было полно занятий. А за неимением отца, молодым отпрыскам в срочном порядке пришлось договариваться о свадебных кортежах, заказать гостиничные номера, для скорейшего отбытия в свадебное путешествие. Девушки сбивались с ног в примерочных, но даже такая суэта доставляла истинное удовольствие женскому обществу. Но у Марии нелегко было на сердце не от того, что Шарлотта казалась в своем платье смуглой, а чрезвычайно светлые цвета делали Хану Стоксон некрасивой, ее угнетало молчание отца. Дай Бог, чтобы виконту удалось уговорить его, и чтобы он лично поздравил дочь, об ином девушка не мечтала. Фрай успокаивал сестру, старик не может очень долго упорствовать, должен таки согласиться, в этом его поддерживал Эдвард. Он даже обещался помириться с Джоном, если ему станет ума не лишать родное дитя счастья.

Оставался всего один день до свадьбы, виконт уже должен был вернуться с новостями, волнение начинало накаляться:

– Сколько можно медлить! – не выдержал Эдвард, когда они вечером коротали время в гостиничных апартаментах – комнате дяди, как всегда, занимаясь полезным чтением новостей. Мария занималась шитьем, отделявала головные уборы для девочек-сирот, новых воспитанниц приходской благотворительной школы, но было заметно, насколько она сама не своя, бедная девушка несколько дней ходила, будто тень. Фрейлин утешала ее, была бы она совой, слетала бы в Ковен-Лейс и насильно приволокла всех заинтересованных лиц к ответственности. Фрай так же нервничал, видимо, отец упрямствует и не хочет ехать, это очень жестоко по отношению к дочери.

Эдвард рычал от злости – Фортрайд тоже хорош, мог бы уже весточку передать, как там переговоры обстоят, еще ж было время вмешаться мистеру Уэнсли. Вечер прошел не в ладах, семейный кружок отправился спать в смятении, завтрашний день покажет, будет ли дочь выходить замуж в присутствии отца, или нет.

Мария не выдержала, она уткнулась в подушку и расплакалась, ее сердечко больно сжималось от сознания отцовского порицания, она ведь всегда старалась угодить родным, но почему теперь ей не позволено немного счастья?

Наутро, когда слуги только-только принялись разжигать камин, греть воду и готовить завтрак, к гостинице подъехало целых два экипажа. Первый принадлежал безусловно виконту Беррингтону – четверка лошадей, просторная карета, обитая выделанной кожей, пажы в ливреях, солидный кучер и вычурные занавески с кисточками и золотой вышивкой. Вторая намного проще и меньше габаритами, судя по состоянию сбруи и колес – наемная.

Веселый Фортрайд вышел из своего экипажа, ему навстречу выбежали слуги и владелец гостиницы, он кое-что передал тому господину, снова сел обратно и приказал ехать в его родовое имение. Постояльцы еще отдыхали, их не будили до самого завтрака. Когда они собрались, чтобы откусать, было заметно, как плохо провели эту ночь дамы, Эдвард тоже сидел с недовольным лицом, Фрай тяжело вздыхал, от волнения он снова стал бледным. Но в самый разгар завтрака, когда унылая четверка ковыряла овсянку, подошел хозяин гостиницы и подал письмо. Эдвард взял послание (как старший в их компании) и начал его читать. Он несколько минут молчал, изучая скупые строчки, потом хлопнул себя по лбу и закатал глаза:

– Вот гад бессовестный, – не выдержав, обронил он.

– Что случилось? Отец отказался? – начал уточнять Фрай.

– Нет, Фортрайд у нас любитель держать интригу до конца. Пишет, чтобы мы приехали сегодня к нему на обед, мол, есть важный разговор. Нет, вы только посмотрите, что за интриган, а еще другом назывался.

Мария очень разнервничалась, ее нервы вконец сдали, она успела прильнуть к плечу подруги и всегласно разрыдаться. На нее с опаской взглянули несколько постояльцев, родные принялись успокаивать девушку:

– Тише, тише, дитя, а то накличешь ненужные сплетни, – ласково молвил Эдвард.

Впрочем, Мария не относилась к слезливым барышням, к счастью для ее окружения, она успокоилась, когда с ней поговорили и здравый смысл поддался на убеждения. Фрай и Эдвард напирала на то, что свадьбу никто не отменял, можно венчать и без отца, правда это повлечет сплетни, но ее посаженными родственниками могут быть дядя и брат, а виконт уж устроит так, что кривотолки быстро иссякнут.

– Что скажете, господа? – спросилась Фрейлин, как только Мария перестала всхлипывать. – Хотя мы ничего не достигли, но все же, его светлость почему-то хочет нас видеть на званом обеде, может не так все плохо...

– Будет жаловаться на тяжкую долю переговорщика, как обычно. – недовольно ответил Эдвард. – Форттрайд тот еще жалобщик, он мог бы обстоятельно изложить свои соображения на бумаге, как все обстоит. Нет, надобно устроить из этого целый спектакль, загадочно поведав, как его за дверь выставили, порой он бывает несносен.

– Его светлость хотя бы постарался, – обреченно ответила Мария, – мы не имеем права его порицать, только за то, что мой отец не считал нужным присутствовать на свадьбе. Негоже пренебрегать приглашением, а еще это мой последний обед в качестве незамужней девицы, завтра я буду уже миссис Батлер и далеко от вас, жаль, что эти последние часы наполнены разочарованием, – она опустила голову, пытаясь снова не плакать.

– Ох, доберусь я однажды до Джона... – кровожадно молвил Эдвард, но осекся под пристальным взглядом Фрая и Марии.

Они были готовы к указанному часу, когда к постоялому двору подъехал экипаж его светлости, чтобы отвезти гостей в замок. Эдвард усадил дам, а потом пропустив вперед Фрая, сел сам. Они молчали дорогой, раздосадовано разглядывая рощи Дарквудского замка. Их приветствовал дворецкий, еще два лакея, прибывшие сюда по рекомендациям из столицы. Слуги приняли у гостей шляпы и трости, у дам легкие накидки и головные уборы. Виконт не встречал их лично, так же, как и его семейство. Прибывшие гости лишь пожалы плечами, когда услужливый дворецкий подобострастно открыл перед ними дверь.

Прекрасная столовая времен Елизаветы, украшенная позолоченными арками, расписным потолком, вещающим о скорбном наказании грешников, стены из полированного белого мрамора. Видимо Форттрайда так впечатлило изображение источника, что он предпочел отказаться от современно обставленных комнат. Мужчины были различны к интерьерным изыскам, а Мария настолько поглощена собственными переживаниями, что ее ничего не впечатляло. Но в тот момент, когда они переступили порог столовой, все разом изменилось, потому как, собравшееся здесь общество радушно их приветствовало.

Виконт с виду напоминал довольного кота, узенько прищурился, его жена благодушно улыбалась (изучая своих подопечных опытным взглядом, отметив, что дамы изысканно одеты), сыновья излучали галантность. Но самым довольным в этой компании, хотя искренность того оставляла желать лучшего (хотя для этого человека это оказалось едва посильным выражением лица, как бы скулы не свело от такой лучезарной улыбки), оказался Джон Уэнсли.

Неожиданно для всех, отец семейства встал лично и пошел приветствовать прибывших гостей, будто не было той размолвки три месяца назад, когда разгневанный мистер Уэнсли кричал какие-то ругательства, срочно покидая пасторат, гонимый озлобленностью и страхом. Сейчас на его лице было изображено угодливая лезть.

– Дети мои, – начал он так непривычно слащаво, от чего Фрай и Мария буквально остолбенели. – Я так счастлив с вами свидеться, – он пожал сыну руку и по-отцовски обнял дочь.

Эдвард еще немного и подавился бы невысказанными замечаниями, которые в нем накопились. Джон и его поприветствовал, но сдержанней. Братья не могли враждовать в обществе, но и показывать свою «величайшую любовь» не решались, оставалось только сдерживаться. А вот старший племянник не был так категорично настроен (стоит упомянуть, что сюда съез-

хались все родственники Уэнсли – кроме Джона был еще Роджер с супругой и Стивен), он пожал дяде руку.

– А ты вырос настоящим Уэнсли, – заметил Эдвард, от чего его старший племянник зарделся, посчитав это комплиментом. Роджер тоже поспешил поздороваться, младший брат удивил всех, он обнял прежнего отступника, хотя при Джоне неоднократно упрекал Эдварда.

– Ох, братец, – заметил белый колдун, избавляясь от его объятий. – Ты меня удивил.

– Знаешь, я за тобой соскучился, – Родри улыбнулся, но затем немного попустил пыл, заметив, с каким неприкрытым презрением на него смотрит Джон.

Зато Розерри и ее любимица могли преспокойно обниматься и делиться впечатлениями. Мария светилась от радости, украдкой взглянув на Джорджа, который полностью разделял ее чувства, это был тот краткий миг счастья, пришедший на смену бесконечным переживаниям и огорчениям – ее маленькая лодочка достигла спокойных вод, причалив у гавани. Тетя рассказала, что после отъезда Марии, в Ковен-Лейс начался такой беспорядок, что Джону пришлось нанять экономку, да еще кого (Розерри неодобрительно скривилась от выбора старшего родственника, будто вкусила кислых яблок в придачу с недозревшим лимоном) – миссис Ридс. Эта дамочка после возвращения и двух связных слов сказать не могла, поистине, бывают же недалекие женщины, но разумная невестка догадалась, что произошел скандал и сварливую экономку просто выпроводили прочь. Мария улыбнулась, вспоминая тот первый день ее настоящей свободы, и каким образом миссис Ридс уехала из пастората.

– Не представляю, что нашел в этой недалекой женщине твой отец, но теперь она держит всех рабочих в узде, да и самого хозяина тоже.

Мария подумала, что очень счастлива оказаться вне дома и скоро полноправно сможет назваться хозяйкой и уж экономку подберет справедливую и добрую, впрочем, у нее есть прекрасная свекровь, которая поможет в выборе правильной женщины. Джордж не будет таким деспотом, как ее собственный отец, потому что происходит из благородного и достойного рода, его мягкая натура и пылкую сердце, разве сможет оно причинить боль своей любимой?

Когда, наконец, приветствия родственников завершились, когда два брата – Стивен и Фрай – пожали друг другу руки и расселись по местам, довольный виконт, что прежде спокойно наблюдал за встречей огромного семейства, скромно заметил:

– Я рад собрать вас всех вместе, дамы и господа. Поистине, у нас сегодня праздничный обед – праздник в честь помолвки двух голубков, а завтра два моих сына упорхнут из семейного гнезда, а ради улыбки мисс Уэнсли я готов буду перевернуть любые горы.

Тем временем, дворецкий доложил о прибытии семейства Уорвиков, которые тоже были приглашены на торжество. Мария имела несколько минут отсрочки, когда смогла покраснеть и замяться, она не была столь избалована, и любое проявление чувств к ней вызывало смущение и безграничную благодарность. Но Джордж Батлер, сидевший рядышком легко коснулся ее руки и подарил будущей жене искреннюю улыбку, тем самым подтвердив слова отца.

– Вижу, ты постарался на славу, Фортрайд, – опустив все титулы и обращения, довольно произнес Эдвард, наблюдая за счастливой племянницей.

– Но я же не для галочки был избран «гоним с хорошей новостью», я постарался ради счастья моего семейства, в этом меня нельзя упрекнуть, я всегда стараюсь для домочадцев и друзей.

Джон и Роджер с затаенной опаской слушали речи среднего брата, считавшегося наглцом, а виконта – человеком важным, к которому нельзя обращаться без благоговейного трепета. Потому что, они привыкли поклоняться родовитым дворянам, оббивая их пороги в надежде на благосклонность, но Эдвард никогда не считался с мнением общества, и шел всем наперекор. Когда вельможа собственной персоной заявился в Ковен-Лейс, он прежде начал расхваливать всех представителей рода Уэнсли, как людей добропорядочных, но Эдвард занимал в его рассказах видное место. А еще намерение последнего сделаться мэром Дарквудса и

Престона побудило Роджера осмелиться открыто помириться с братом, пренебрегая мнением Джона, вдруг влияние Эдварда поможет Роди добиться желаемой должности декана.

Семья Уорвиков дополнила кружок собравшихся и привнесла новые разговоры, Кэтрин немедля, сверкнув взглядом в сторону Эндрю, подседа к Марии и миссис Уэнсли и заговорила с обеими, ее матушка всю расхваливала ее светлость, а батюшка кланялся перед виконтом. Джон и Роджер также подседа поближе к его светлости, Эдвард держался друга, который не переставал о нем говорить, младшие Батлеры взялись разговаривать с дамами, ну а Стивен и Фрай отошли от общего кружка, слугам оставалось дожидаться, когда же господа прикажут вносить подносы.

– Как обстоят дела дома? – спросился Фрай у старшего брата, который будто стал ближе сейчас, это когда-то Стивен допекал стеснительного юнца, но нынче два молодых человека, повзрослевшие, уверенные в себе, стояли и общались. Преподобный пресвитер Уэнсли смотрел на Стивена и даже им восторгался, брат изменился, стал рассудительней и приветливей. С ним было проще общаться, чем с отцом, закостеневшим в своих предрассудках.

– Сейчас уже лучше, – молвил Стивен, но потом нагнулся к кровному родственнику и шепнул, чтобы отец не услышал – после визита его светлости, мы в тот же день получили несколько выгодных предложений об аренде наших полей и выгонов, я безнадежно долго об этом договаривался, но стоило сослаться на имя виконта Беррингтона и дела разрешились.

– Вот как, – улыбнулся Фрай, может теперь старые распри, наконец, разрешаться и он не будет чувствовать себя предателем, этому известию обрадовалась Мария, девушка обрела спокойствие и благословение отца, и могла идти под венец с любимым человеком. Была бы матушка жива, она бы несомненно гордилась дочерью, но нынче ею гордится любимая тетя.

– Я очень рада, что все приехали меня поздравить. Я опасалась больше никогда с вами не свидеться.

– Это заслуга твоего будущего тестя. Виконт очень старался расположить к себе твоего отца и моего дражайшего Роджера. Очень хороший человек, тебе повезло породниться с этим семейством.

Мария усмехнулась, девушка искренне поблагодарила тетюшку за понимание и участие. Званный обед проходил весело, не обошлось без острот виконта по отношению к Эдварду, но это были безобидные шутки. Кэтрин наводила много шума, прежде всего, разумно поправляя его светлость. Затем был музыкальный вечер, но молодежь предпочла прогулку по оранжерее, оставив старшее поколение наслаждаться музыкой. А виконт в уголке допекал Эдварда расспросами, не соскучились ли знакомцы по его вельможной персоне, мистер Уэнсли вконец сбежал от Фортрайда.

– Ей богу, теперь я понимаю, почему он не женат, – хихикнул его светлость своей супруге, но леди Камалия была женщиной деликатной и не могла плохо отзываться об этом человеке, даже без свидетелей.

Свадьба состоялась по всем положенным канонам и традициям. Фрай венчал близких ему людей, с которыми был неразлучен или прошел долгий путь, или много побегал от настоящего ухаживания – и каждый занял свое почетное место в его душе. Он грустно улыбнулся своей сестре, которая не будет, как прежде, тихим воробушком сидеть по вечерам в гостиной, отныне она принадлежит другой семье. Свою свадьбу пастор отложил на неопределенный срок, он медлил, будто опасался, что не успел разрешить еще какие-то проблемы. Мария счастливо выпорхнула из храма, намечался еще праздничный обед в родовом замке виконта, но уже тогда брат почувствовал тоску, гости покинули церковь, осталась только Фрейлин, дама смотрела на красиво облаченного священника, такого задумчивого, печального, но очень притягательного. Тот встретился с нею взглядом, они поняли друг друга без слов, пастор замялся, но потом не сумел оказать себе в маленькой слабости – пригласил даму на откровенную исповедь.

ГЛАВА 4. Нужна ли мятежной душе спокойная жизнь?

Кружок поредел, без добродушной Марии стало как-то тоскливо. В пасторате закончили отделочные работы, он был пригоден для заселения. Преподобный пресвитер Уэнсли занялся покупкой мебели, что составляло в маленьком городке эпичную проблему, но тут на выручку пришла виконтесса; добрая женщина распорядилась, чтобы кое-какую мебель из замка доставили в дом священника. Фрай был премного благодарен леди Камалии, она избавила его от бесконечных поездок в соседние города, с целью обстановки отремонтированного жилища. Так его кабинет приобрел массивный дубовый стол, мягкие кресла, стулья с высокими спинками, резные скамеечки. Кровать была неприлично велика для нужд одного человека, она вполне годилась, как ложе молодоженов. Столовую заселил буфет с витражными дверцами, а гостиную – две статуэтки ангела и Пресвятой девы. Нэнси, вернувшаяся на службу к пастору, с интересом и изумлением любовалась привезенными вещами. Пришлось нанять новую кухарку, прежняя уехала к дочери, ну а миссис Бонна заняла место домоправительницы, правда ночевала все же со своей прежней хозяйкой, ибо была предана мисс Фрейлин душой. Преподобной компаньонке, при отсутствии своей подопечной, пришлось съехать с пастората, вернее туда не перебираться, вот поэтому Бонна тоже решила не жить с пастором – в восемь вечера она бодренько шагала к съемной квартирке, а Фрай оставался в одиночестве, коротая вечера в библиотеке.

Был уже сентябрь, погода постепенно менялась, холодные ветра гнали свинцовые тучи, на городок обрушились проливные дожди, будто природа хотела смыть зной и пыль. В августе не было ни единого дождливого дня, и фермеры смогли собрать пшеницу, заготовить сено, запастись медом. В городок потянулись торговцы, закупая у фермеров съестные товары для столичного рынка. Жизнь кипела, бурлила, неслась мимо пастора груженной телегой или экипажем, Фрай добросовестно исполнял свои обязанности: несколько раз в неделю обходил жилища своих прихожан, откликался на их просьбы, посещал благотворительную школу, где вел философию, учения религии, возвращая в детских душах любовь к Всевышнему. Фрейлин тоже открыла в себе преподавательский талант, она помогала нанятой учительнице, часто обучая малюток чтению, письму и арифметике, к ним навещалась виконтесса, которая нередко учила девочек изысканным дисциплинам – вышиванию и рисованию. И хотя дети посещали школу всего три дня в неделю, все добровольные преподавательницы относились к своему занятию достаточно серьезно – они собирались в небольшой комнатке, выделенной в качестве апартаментов для мисс Беатрис Белинд, и обсуждали своих учеников, потому как мальчики тоже посещали школу, делились планами и навыками. Новая учительница оказалась толковой дамой, которой в жизни не посчастливилось неудачно влюбиться в собственного хозяина, где она служила гувернанткой, и срочно пришлось искать новое место работы. Леди Камалия благоволила ей, и разумная женщина вполне неплохо обустроилась в маленьком городке, зато родовитая виконтесса нашла для себя занятие по душе и ежедневно выбиралась в Дарквудс, была главою новоиспеченного женского клуба, который занимался сборами пожертвований для детей, продавая свои изделия, и ей не было тоскливо просиживать все время в огромном замке, дожидаясь мужа. Ее супруг занялся политической карьерой Эдварда, хотя последний рад был поумерить запал богатого аристократа, эти двое могли ежечасно спорить, куда-то ездить, с кем-то обедать, им не было скучно. А по вечерам, в пасторате или Беррингтон-холле, они смаковали своими достижениями, пока виконтесса, Фрейлин и пастор обсуждали дела благотворительной школы или же успехи учеников. Такова жизнь казалась Фраю правильной, упорядоченной, о которой он некогда мечтал (лед был тронут и он нередко переписывался со Стивеном и дядей Роджером, который таки заделался деканом), но постепенно он начал тяготиться скукой, ибо не было уже того приключенческого запала, который до не давнего времени витал в воздухе. Оставшись наедине, он не редко размышлял о прошлом, отложив на потом обучение на профессора теологии.

Но однажды, в его дверь постучался неожиданный визитер. Было около пяти часов, пастор только вернулся с прогулки, которую они осуществляли вместе с «миссис Олдбрук» на ферму Огера, а теперь Уэнсли отдыхал в ожидании чаепития, откинувшись на мягком кресле. Нэнси вошла тихо, спугнула дрем хозяина и сообщила о посетителе:

– К вам мистер Ласко, сэр.

Фрай удивился, давненько о нем не слышали, с тех самых пор, как покинули столицу, его записка покоилась в глубине бюро, испачканная устаревшими каплями крови, а больше этот человек не подавал о себе вестей. Что же случилось в этот раз? Почему шпион призрачного министерства снова ищет встречи? Это появление бывшего караульного ничего хорошего не сулило.

– Рад вас видеть в добром здравии, – прокомментировал Эшли, но говорил он это обыденно, будто не было ничего удивительного в том, что Фрай еще недавно метался между жизнью и смертью. – А раз вы здоровы, значит, я вручаю вам приглашение.

– От кого?

– От моего патрона, адъютант лично хочет видеть вас у себя.

– Это необходимо? Вроде бы, уже в моих услугах не нуждаются?

– Не могу ничего сказать, но рекомендую приглашение принять, потому как, подобные визиты не отклоняют.

Выглядело вполне угрожающе, что с этих шпионов возьмешь, они не умеют просить, только требуют.

– Я ничего не обещаю, я должен посоветоваться и подумать.

– Думайте, преподобный пресвитер Уэнсли, только не затягивайте. Поверьте моему слову, дело таково, что не будет откладываться вечность.

Фрай остался в кабинете один, записка все еще покоилась на столе, а он сидел и смотрел на дверь, откуда, совсем недавно, вышел странный посетитель, кивнув напоследок озадаченному Фраю, надеясь, что пастор не окажется глупцом и приедет в столицу. Теперь стоило поговорить с дядей, ему нужен полезный совет, как правильно поступить. Молодой человек оставил свой отдых, быстро собрался и пошел в городскую ратушу, где нынче разместились контора Эдварда Уэнсли. Она стояла отдельной постройкой, там была оборудована приемная с мягкими стульями и кабинет будущего политика, который этой должности добивался. Он успел обзавестись секретарем, ведущим его дела и меценатом в лице сэра Фортрайда, а также безукоризненными ораторскими качествами. Сейчас задумчивый Эдвард Уэнсли сидел над важной корреспонденцией, переизбрание мера не за горами. Но для племянника он сумел уделить время и выслушать его:

– Что случилось? – первым делом поинтересовался белый колдун, поскольку до того Фрай его не тревожил в конторе, они встречались по вечерам, обсуждая различные новости.

– У меня побывал сегодня мистер Ласко, – невозмутимо ответил Фрай. – И передал приглашение от адъютанта.

– Черт побери, и что этим шпионам еще от нас надобно? Хотят снова втянуть в свои опасные игры? Я бы не рекомендовал...

– Не знаю еще, – торопливо оборвав гневную часть дядюшки, его племянник продолжил, – но дело у них ко мне таково, что не требует отлагательств.

– Так, Фрай, никакого самоуправства! Если тебе все же взбрело в голову к ним поехать, я еду с тобой.

– У тебя же здесь дела.

– Дела мне не так важны, как твоя безопасность. Я могу на Фортрайда повесить свои встречи, и мне решительно не нравится затея поездки в эту контору, призрачное министерство отнюдь не безопасное место, я убедился на собственной шкуре.

– Хорошо, тогда едем вдвоем, – Фрай несколько минут молчал, пока его родственник изучал адрес на пригласительной записке и кривился, но добавил. – Дядя, мне стыдно признаваться, но мне опостыла спокойная жизнь, я тружусь во имя Всевышнего на благо Дарквудса, как и планировал некогда, но сейчас не ощущаю себя счастливым. Дреяма снова говорила со мной и предупреждала о каких-то неприятностях, от которых мне не сбежать, не уберечься, возможно, это приглашение не случайно, но я не вижу в мистере Ласко опасности...

– И что же дреяма подразумевала под опасностями?

– Они нашли другого хозяина, те кто раньше содействовал темному магу, нынче преклонили колени перед тем, в ком течет кровь пустыни. Теперь отступники готовы действовать, подозреваю, что нас всех ожидает опасность.

– Получается, эти «служители справедливости» нашими руками, видимо, хотят прихлопнуть предателей. Тогда чего медлить, поехали, хочу взглянуть начальнику Ласко лично в глаза, пусть держит слово перед колдуном, а не перед неопытным экзорцистом. Увы, Фрай, твои достижения в области изгнания бесов успешны, но ты действовал по наитию, каждый раз нарекая себя на смертельную опасность, поэтому без меня не рекомендую устраивать никаких поимок.

– Вот и отлично, теперь надобно уладить мой отъезд с Фрейлин...

– Давай-давай, только она тебя никуда не отпустит или же поедет с нами, можешь не делать таких удивленных глаз.

– А что мне ей сказать, чтобы она не ехала с нами?

– Ничего, куда бы ты ни засобирался, Фрейлин последует следом. И даже я не могу ей запретить, на мне и так должок висит...

– Дядя, я надеялся, что мы будем ехать налегке, а не тащить всю компанию разом.

Вечером Фрай имел разговор со своей невестой, а та и слушать не хотела его убедительные просьбы остаться в Дарквудсе, нет, она поедет в Лондон и сама убедится, что ее жениху не угрожает никакая опасность, одного его не оставит, даже в сопровождении белого колдуна. Или напомнить их прошлую выходку? Пастору не дали шанса отделаться от свиты, которая в этот раз состояла из мистера Уэнсли, Фрейлин и миссис Бонны – вполне небольшая компания. Но затем в пасторат пожаловал виконт, когда Фрай и Эдвард обсуждали все детали отъезда, проницательный вельможа разнюхал о предстоящем путешествии:

– Так-так-так, вы решили снова сунуться в пасть льву, – сходу заявил Форттрайд, оказавшись подле двух заговорщиков. – А вдруг этот адъютант решил вас похитить или в тюрьму засадить? Эдвард, твоя хваленная магическая силушка может не сработать. С чего вдруг работникам министерства вздумалось так настырно вас в столице дожидаться?

– Милорд, вы осведомлены не хуже нашей столичной разведки, – ответил Эдвард. – Видимо, шпионы у нас повсюду.

Его светлость криво улыбнулся и самодовольно почесал нос.

– И все же, я намерен ехать, – твердо ответил Фрай. – Обещаюсь, если нас попытаются втянуть в опасную авантюру, грозящую одними лишь неприятностями – мы без разговоров возвращаемся домой.

– Опрометчивое решение, если честно, – заметил виконт. – Хотя, я не смею вас, дорогой друг, ни в чем упрекать. Но, Эдвард, я не ожидал от тебя подобной мальчишеской выходки, мало ты посидел в плену? Забылся уже?

– С вами забудешься, – прорычал Эдвард про себя. – Милорд, ты остаешься для подстраховки, я буду писать тебе письма, заодно узнавая, как там мои дела продвигаются, если корреспонденция вдруг перестанет приходить, труби тревогу.

– Поистине, вы одного поля ягодки, я им вещаю, что опасность велика, и каждый успел уже на «грабли наступить», а они все равно решились ехать. Слишком скользкие людишки в том министерстве обитают, авось еще переворот устроят?

– Поэтому, вы, милорд, остаетесь здесь, с вашими теперешними возможностями, вы нас спасете, если все пойдет не так.

– Я?! – удивился Фортрайд. – Я же не маг, если ты не забыл, что я им противопоставлю – колдунам и магам – мне снова на плаху лезть?

– А ты думаешь, что у тебя хотят отобрать Кровавый Алтарь?

– Пока что, я даже о подобном не рассуждал. Но предположение вполне вероятное. Если вас поймают и захотят упрочнить власть, мой источник станет самым удобным трофеем. И некому будет его защищать...

– Или, скорее всего, это тебя некому защитить? – смекнул Эдвард, разгадав, куда клонит его завсегдатай приятель.

Его светлость величественно задрал нос, аристократично глянул на двух вредных и упрямых джентльменов и произнес:

– Да, я переживаю о своей судьбе, и без вас меня могу ожидать некоторые неприятности, так что, я однозначно против этой поездки. А еще, против того, что там вас ожидают новые приключения, в то время, как мне в одиночку здесь куковать...

– А как же переживание о своей драгоценной шкурке? – иронично заметил Эдвард, посмеиваясь с друга. – Милорд, вы либо противоречите сами себе, либо не хотите нас отпускать из вредности?

– Я опасаюсь, предостерегаю и забочусь, и никто мне даже взамен благодарности не сказал, – Фортрайд картинно изобразил обиду, такой талант пропадает.

– Ваша светлость, мы безгранично вам благодарны за заботу, но вы человек примечательный, ваш отъезд неотъемлемо вызовет различные разговоры, мы же отправимся без лишнего внимания, в конце концов, я имею право отправиться проведать отца, и мой дядя тоже...

По коридору шагали два джентльмена. Они выглядели довольно суровыми, даже немного устрашающими, если учесть, как неестественно бледность их лиц отсвечивалась в полутемном освещении коридора. Их бескровные губы были сжаты, будто джентльмены только что пережили сильнейшее потрясение, и старались сдерживать свои эмоции в себе. Даже тон из голоса был ровным, дыхание умеренным и только глаза, как истинные глашатаи души, выдавали всю бурю чувств, что бурлила в каждом. Их возраст был не определен, внешне они казались не молоды, ни стары: ни единая морщина не изрезала мужественный лоб или переносицу, не зацепила веки и глаза, будто время застыло в этих масках, хотя и юнцами их не назовешь, уж слишком много самомнения и выдержки, размеренности и опыта, эти черты проявлялись в старшем возрасте.

Первого джентльмена звали сэр Эрвин Берденвелл, граф Дербиш, второго – мистер Марк Барли, он не обзавелся титулом, но это не мешало ему занимать не последнее место в парламенте, собственно, быть главным министром некоего не известного широкой публике министерства. Эти двое, в своих манерах, поведении и одежде, истинно показывали приверженность к высшей аристократичной верхушке, к сливкам столичного общества. Граф Дербиш не обладал никакими особыми способностями, но покровительствовал мистеру Барли, ибо представлял его интересы перед монархом. И теперь, эти двое джентльменов шли полутемным коридором, окутанные ореолом величия и таинственности, но в какой-то момент они заговорили, чем нарушили давящую тишину.

– Знаешь Марк, я преисполнен к тебе расположением, но твои метания в последние дни начинают меня утомлять и раздражать. Лишь совсем недавно, ты предложил всячески поощрять Персиваля Виргейна, ибо тот знал, как достичь полного контроля над министерством, а теперь мы обязаны присягнуть на верность какому-то оракулу, – его возмущение выплескалось наружу, больше не сдерживаясь.

– Сэр Эрвин, я понимаю ваше возмущение по поводу такой стремительной перемены в моем поведении, сам тому не рад, но Персиваль оказался прохвостом, он многих обвел вокруг

пальца, как оказалось позже из доносов его соратников, он в действительности не собирался ни с кем делиться тайнами древней магии, а уж тем более представлять наши интересы перед демоном. Этот подлец решил все провернуть собственными силами, и был остановлен, мои люди не вмешивались в исход битвы, и ушли тогда из города.

– А этот оракул, что он из себя представляет? Мы столько магических сил потратили, что в Прекрасной долине начался мятеж дреям, ты же знаешь, эти магические существа нами досконально не изучены и поэтому могут представлять опасность, оповещая наших врагов. Наш дипломатический договор о распределении магии может в любой момент быть расторгнут, не говоря уже о подземном мире, их королева обвинят нас в бездействии и грозит прекратить всякие поставки кристаллов. Они, видите ли, чуть не погибли от разъяренного аспигунда, а ведь это была ваша затея...

– Моя, не скрою, потому что, оракул настаивал убрать с дороги некоторых мешающих ему личностей...

– И что в итоге?

– Провал. Эти «мешающие личности» оказались на редкость проворными и сумели обезвредить древнее чудовище. Сам не поверил отчетам Карелия, но это правда.

– Что же тогда, получается, мы проиграли по всем направлениям?

– Не совсем, оракул не даром просился силы, он провел обряд и призвал мощное оружие дюн – свергнувшее некогда мощную империю.

– Это оружие мне уже не нравится, оно необузданно, дорогой друг. Опасаюсь неприятных последствий, а ведь мне держать слово перед королевой за содеянное вами.

– Сэр Эрвин, вы преувеличиваете опасность Скарабея (так зовется этот чудо-монстр), ибо он имеет один существенный недостаток... – Марк загадочно улыбнулся, не досказав свою мысль, ибо они уже достигли цели.

Открыв дверь, господа из полутемного низенького коридора, нырнули в огромный, освещенный зал. Здесь было человек с двадцать, все солидные джентльмены, выглядевшие в точности так же, как и прибывшие. Некоторые предпочитали еще носить накрахмаленные парики и шелковые, черные мантии; другие – военную форму генеральства и адмиралтейства. Сэр Эрвин со всеми здоровался, ему выказывали безотчетное уважение, и его приемнику тоже. Главный министр еще не был на таком счету, как его покровитель, без патронажа богатого и влиятельного вельможи он бы даже не достиг таких повышений по службе.

Это было обычное собрание, не хватало только оратора, чтобы ознаменовать его начало. Тот появился спустя несколько минут, после прибытия графа и мистера Барли, будто возник из пространства. Тяжелая бордовая мантия скрывала его, капюшон был накинут на голову, оратор не шел, он передвигался беззвучно, будто плыл. Аристократы нервно заерзали на местах, они не слишком доверяли этой странной личности, но не выказывали открытого недовольства, лишь из уважения к графу.

– Небо преклоняется перед вами, последователи, – сипло молвил оратор, разглядывая всех из-под капюшона, многие замерли под его взглядом, непривычно ощутив сковывающий их ужас. Оракул был чем-то могущественным, они даже не понимали в чем его мощь, но это существо человеком не являлось.

– Переходите сразу к делу, – недовольно молвил граф Дербиш, единственный не робеющий в зале. – У некоторых еще много будничных дел.

Оратор на трибуне замер, рядом сидящие могли поспорить, что из-под капюшона послышалось стрекотание и отнюдь недоброжелательное. Но затем он подобрался и даже поклонился вельможе:

– Я понимаю, как вам не терпится узнать обо всем: ритуал проведен удачно, Скарабей прибыл и обрел оболочку...

– И что теперь вы будете делать? Меня интересуют результаты, – спокойно разглагольствовал граф Дербиш, не пронятый тем ужасом, что испытывали другие. Ибо он единственный не обладал магией, а значит, не имел магического чутья, способного уловить мощь оратора, и от того чувствовал себя спокойно.

– Прежде всего, у нас есть защитники, которые не подпустят к Алтарю. Просто так мы источник не подчиним, но хозяин прибыл и хозяин все исправит.

– Какая наша выгода? – не унимался сэр Эрвин.

– Вы получите источник.

– А что получите вы?

– Самую малость, я прошу только разрешить великим магам из министерства, открыто практиковать наш культ, без каких-либо запретов.

– Но вы же практикуете кровавые жертвы во имя своего божества, – брезгливо отозвался вельможа. – Это привлечет внимание общественности, и мы должны будем вмешаться, с чего нам так рисковать?

– Мы не будем так явно себя проявлять в вашем обществе, в трущобах полно безродных и всяких отбросов, вы же не ведете их счет.

Господа задумались, в принципе, культ Древних запрашивает официального разрешения, и если они не будут явно светиться, а взамен само министерство приберет к рукам источник силы, который послужит во благо, а не будет принадлежать непонятно кому.

– Хорошо, разрешаю, – ответил граф Дербиш. – Но хочу видеть первые результаты нашего сотрудничества уже в этом месяце.

– Вы их получите, – довольно прошипел оракул.

Собрание длилось всего десять минут, но господа сидели, пока этот странный тип не убрался, неведомая сила удерживала каждого, но никто не мог дать точное тому определение – может суеверный страх перед оккультистами, славившимися своей кровожадностью во все времена.

– Отлично, – откинулся на спинку стула Марк Барли, – хотя признаюсь честно, этот оракул умеет произвести впечатление, до сих пор при воспоминании о нем, коленки дрожат.

– С чего вдруг такой страх перед оккультистами?

– Мы маги лучше чувствуем природу вещей и поверьте, от него исходит такая жуткая сила, будто в бездну глядишь. Но именно с такими и приходится иметь дело, чтобы добиваться желаемого. Увы, наши способности к колдовству стали слабее со столетиями.

Граф Дербиш задумчиво покрутил усы, размышляя над персоной оракула, и не приведет ли его сегодняшнее разрешение к пагубным последствиям? Истребление безродных и нищих – еще куда ни шло, но не начнут ли эти оккультисты воровать всех остальных, а еще хуже – вербовать в свою веру. Его протеже относился куда беспечней к происходящему, уповая на свои магические способности, но сэр Эрвин Берденвелл не обладал выше упомянутыми способностями, и от того больше заботился о безопасности обычных людей. Но жажда обладать первобытным источником магической силы, возобладала даже в нем, так он легко сможет продлить себе долголетие, и власть его укрепит еще больше. Жаль, что виконт Беррингтон оказался не таким простофилей и предпочел не связываться с министерством магов, значит, придется прибегнуть к посредникам. Эти некогда приверженцы Персиваля Виргейна, который наобещал им «золотые горы», но решил в итоге с ними не считаться, нашли себе другой выход заполучить желаемый трофей. Действовать в открытую, заполучая источник, они не смели, ибо тогда против них могут ополчиться колдуны, свободные маги и различные магические существа и силы распределятся неравномерно, что недопустимо в этом мире. А еще подобное всколыхнет общественность, поползут ненужные слухи и могут дойти до монархини, тогда уж и головы не сносить.

И больше всего они опасались этого загадочного экзорциста, о котором толком не было ничего известно, но уж точно, на обычного священника он не походил. И как обычному человеку удалось одолеть сильного мага и древнего демона? Самолично справиться с аспигундом? Что-то в нем все же есть, и это надо выяснить до того, как грянет судный день. Одно они не рассчитали, Фрай Уэнсли сам решил в скором времени посетить столицу, в намерении продолжить поимку предателей. Правда, сам пастор о том тоже не догадывался, предполагая увидеться с адъютантом, разве мог он – обычный священник – представлять для целого призрачного министерства магов и колдунов какую-то опасность? И его дядюшка тоже не мог единолично победить всех.

Они, на следующий день сразу после раннего завтрака, были готовы отбыть в столицу. Их маленькая группка, состоящая из четырех человек, удобно разместилась в экипаже. Они не брали с собой много вещей, Фрейлин не предполагала, что они надолго задержатся, и светские рауты им посещать не придется. К тому же, в столичном особняке виконта осталась большая часть ее нарядов, которые она не пожелала брать в Дарквудс, в глубинке это выглядело бы нелепо и не практично, так что, для нескольких незапланированных выездов ей хватит.

Эдвард Уэнсли ехал с таким же намерением не засиживаться, правда, в его планы входило посещение некоторых влиятельных лиц, но это пару встреч, не более. Дарквудцы и жители Престопа и без парламентариев благосклонно относились к новоявленному оратору, значит, у него есть шанс пробиться в политику. А Фрай ехал исключительно из желания ощутить жизнь, полную событий, которых в глубинке ему уже не хватало. Безбурное существование в провинции, оказалось слишком пресным, молодой человек опасался превратиться в малоподвижного и закостенелого человека, который умеет разве что, читать заученные проповеди, кипящее страстями прошлое не давало покоя, толкая пастора на тропу постоянной борьбы.

А еще они вполне серьезно намеревались навестить мистера Сэйгура и разузнать, как обстоят дела теперь. Частный сыщик мог вполне сгодиться в качестве полезного информатора, если они решат все же отыскать последователей Персиваля. Пастору не давал покой тот разговор с дреямой – впереди новые неприятности и опасности, но сбежать от судьбы не удастся. Фрай раздумывал об этом слишком явно, или Фрейлин могла прочесть его мысли, как в прежние времена. Дама не понимала, от чего стал возвращаться ее дар, который она навсегда потеряла вместе со смертью при памятной битве, неужели маг жив? Но этого быть не может, она видела, как расплавилось его тело, как он умер в муках. И тут же нахлынула злость, ее жених снова собрался ввязаться в авантюрные игры шпионов, и как бы это не повлекло новую смертельную опасность, от которой он только-только оправился.

Свои размышления девушка предпочла не высказывать вслух, ибо она должна была разобратся со своими способностями. Неужели ее перевоплощение в сову тоже вернется, надобно спросится об этом у одной шаманки, а та жила в трущобах в Лондоне, вполне приемлемый предлог навестить давнюю знакомую. Многие события, произошедшие в последнее время, очень не вязались с обычным течением обстоятельств, кто их новый враг и что он замыслил? Раз уж мужчины решили ее обвести вокруг пальца, наша героиня тоже преподнесет им небольшой и довольно неприятный сюрприз, теперь ее черед ввязаться в опасную игру.

На лице возникла улыбка, Эдвард спросился, с чего вдруг такое прекрасное настроение. А Фрейлин беззаботно ответила, что уже соскучилась по блеску столичных огней, так что, у нее есть повод вернуться в общество. Тут уж удивились все сидящие, Фрай непонимающе уставился на нее, за что получил невинный взгляд ее бескрайне зеленых глаз, белый колдун почувствовал некую опасность и помахал указательным пальцем. Но этот напыщенный щеголь забыл, что некогда сам задолжал за тот подлый обморок, так что, играть по его правилам наша Фрейлин точно не станет. Кружок еще не успел доехать до столицы, а каждый уже вынашивал план продуктивно провести отведенное время.

И только миссис Бонна решила, что приключений с нее достаточно, и она проведет время у теплого камелька, попивая чай с плюшками, и беззастенчиво рассматривая проходящих по улицы статных господ. Больше никаких забегов и опасных полетов, никакого плена, разве что у красивого ловеласа. Женщина довольно улыбнулась.

ГЛАВА 5. Знакомство с адъютантом и опасностями

Статный джентльмен издали заметил приближающуюся карету, он точно знал, кого увидит в ней, кожухарь уже был отправлен с посланием, оставалось собрать всех заинтересованных лиц вместе. Нанятый кэб остановился в трех шагах от Ласко, тот в один шаг оказался подле дверцы, самолично открывая ее перед гостями. Навстречу ему вышел Эдвард, двое мужчин несколько мгновений мерялись тяжелыми взглядами, и оба выдержали схватку. Вслед за родственником спустился Фрай, молодой человек сразу же беззастенчиво протянул руку бывшему караульному, у него не было предрассудков перед министерскими работниками. Тем временем, из кареты вышла Фрейлин, поддерживаемая Эдвардом и Бонна, состроившая Ласко умильные глазки на пухленьком лице. Пастор и работник тайной службы отошли на несколько шагов от общего кружка, разговаривая о важных вещах, остальные остались стоять на месте.

– Я понимаю, Эдвард, что нынче ты в каждом видишь врага, но не забывай, что Ласко помог нам победить Персиваля, а в моих глазах это компенсирует вопиющие его недостатки министерского шпиона.

– Тогда я еще мог понять его мотивы, но сейчас зачем настойчиво звать Фрая? У меня только одно предположение – нас хотят втянуть в опасную игру, и мы будем пешками в их грамотно разыгранных партиях.

Фрейлин и сама прекрасно понимала, что беды не миновать, разве что, постараться убедить Фрая держаться от этой шпионской гильдии подальше, но сам пастор тянулся к приключениям, и она это осознавала.

– Приглашаю вас всех в нашу штаб-квартиру, – отозвался Ласко, провожая гостей. Из всех присутствующих, здесь бывал только Фрай, остальные же впервые вошли в маленькое вплюснутое здание, недоверчиво рассматривая выщербленный годами кирпич и скрипучие двери.

Внутри их ожидал узенький коридорчик, Фрай сразу же принялся разыскивать лестницу на второй этаж, но шпион его остановил и повел за собой, по полутемному коридорчику, мимо невзрачных комнат-кабинетов. Белый колдун и его спутница, с еще большим недоверием отнеслись к затее приехать в эту глушь, но приходилось молчать, чтобы не обидеть пастора. Казалось бы, здание снаружи невелико, но они прошли уже приличное расстояние, а коридорчик все вел и вел их вдоль комнат.

– Будто по кругу ходим, – сообщил Эдвард своей спутнице.

– Нет, мистер Уэнсли, мы идет в нужном направлении, – громко отозвался шпион, отчетливо услышав колдуна, тот издал рычащее хмыканье, на том перепалка завершилась.

И вот их путешествию пришел конец, они стали напротив низенькой дверцы, больше подходящей для подвальных помещений или каморок, но Эшли уверенно повернул ключ и они вышли уже в просторном и светлом зале, полном света и комнатных, оранжерейных растений. Этот зал больше подходил для торжеств, столько здесь было места, но по принципу, являлся рабочим кабинетом некоего адъютанта разведки. За столом никого не было, еще бы, этот великий начальник неуловим и никогда не показывается посторонним. Одна лишь дамочка в другом конце зала, в обычном светлом платье и в переднике, поливала цветы, вроде на прислугу не похожа. Эшли замер у рабочего стола, вся четверка тоже неуверенно остановилась, принявшись ожидать неучтеного хозяина, что пригласив гостей, про них забыл.

Дамочка, тем временем, спокойно закончила с уходом растений и медленно подошла к присутствующим. Это была высокая, статная женщина лет двадцати пяти-двадцати семи, ее каштановые волосы были уложены в замысловатую прическу, что короной ложилась на чело. Она принялась рассматривать пришедших, возможно, это родственница адъютанта или дочь, ибо ведет себя очень расковано.

– Здравствуйте, господа и дамы, – первой поздоровалась она и присела вежливым книксене.

С ней тоже поздоровались и снова принялись ожидать.

– А вы к адъютанту прибыли?

Ответом ей последовал легкий кивок дам, господа в то время недопонимающее оглядывались.

– Может, присядете? Эшли, неучтиво так держать гостей, они могут подумать, что мы с тобой невоспитанные конторские работнички, которые плохо относятся к своим визитерам.

Эшли молчаливо повернулся и вышел, вместо него сразу же зашли четыре джентльмена и принесли стулья. Кто бы ни была эта дама, она пользовалась тут властью и уважением. Сама же девица невозмутимо подошла к столу и села за главный стул хозяина:

– Ну а теперь, господа и дамы, предлагаю познакомиться. Меня зовут леди Шерон Фабрэй, графиня Бэкет. Но для моих подчиненных, я известна под неброским названием – адъютант призрачного министерства. Должность буквально выдумана, но, тем не менее, ко мне идут с отчетами многие работники магического департамента.

– Вы тот самый адъютант? – удивился Фрай.

– Эта должность досталась мне от покойного мужа, но я надеюсь, что достойно занимаю ее. Пока что, ни один из моих сотрудников не пожаловался, что я нахожусь не на «своем месте», – дама встала из своего стула и вплотную подошла к пастору. Они засмотрелись друг на друга, Фрейлин начинала уже нервничать от того, ей эта девица не понравилась, в ней было нечто опасное, относящееся к соперничеству, уж больно взгляд цепкий.

Фрай с интересом рассматривал деловую леди, не часто встретишь женщину, которая занимает какую-то должность, а тут сам адъютант, которому подчиняется целая отрасль магического министерства и работают опытные шпионы. Леди тоже вскользь его изучила, ну как же, он ведь знаменитый священник-экзорцист, собственноручно свергнувший демона Брахту в ад и убивший темного мага, за которым они вели слежку и пытались на него что-то накопать. Остальных она тоже изучила: белый колдун – адепт закрытого клана волхвов и друидов; дама со способностью перекидываться в птицу и ее бонна. Мужчины, в ее понимании, представляли больший интерес, достаточно того, что в них течет сила, у каждого своя.

– Дамочка, вы нам скажите, вконец, мы вам зачем тут понадобились? – не выдержал Эдвард, не потрудившийся уважительно отозваться о главенствующем работнике министерства.

Шерон украдкой взглянула на Ласко, будто ища в его взгляде одобрения, тот моргнул глазами, значит, этим четверым она может доверять полностью.

– Понимаете, уважаемые гости, наше министерство испытывает некоторые затруднения. Проще говоря, в его рядах завелся жирный червь, поглощающий добросовестных работников и сплевывающий уже предателей-реформистов, которые чтят свои интересы. И червь этот довольно прожорлив, он хорошо внедрился в ряды служащих. Мой тайный департамент постоянно докладывает, что они что-то замышляют. Раньше этот червь поддерживал Персиваля Виргейна, а теперь у них появился союзник пострашнее предыдущего. Некий древний культ, издавна запрещенный всеми структурами магического мира, вновь восстал и предложил нечто такое, что понравилось этим самым реформистам.

– И вы хотите, чтобы мы повоевали с оккультистами? Да с этими фанатиками вообще нельзя связываться, – возмутился Эдвард.

– Нет, оккультистов мы берем на себя, нам вы нужны для поимки министерских работников, которые предали своих соплеменников. Они ведь неизменно покусятся на то, на что планировал Персиваль.

– На Кровавый Алтарь, – добавил Фрай. – Ему нужен был источник.

– Вот-вот, я не прошу вас о чем-то невыполнимом, вы и дальше продолжаете охранять свой источник, только делаете это усердней, чем прежде.

– И для этого нас надобно было позвать в столицу, сообщили бы это письмом.

– А вы уверены, что письмо не перехватят и не прочтут, не только мои ласточки умеют добывать информацию, есть целая сеть подпольных шпионов, которые пытаются поломать нам все планы. Но это пока не все, я вас позвала ради предложения устроить на этих, кхм, работников засаду. Вы, преподобный Уэнсли, лишь немного изобразите из себя наживку.

– Нет, Фрай не должен так рисковать! – вмешалась Фрейлин. – Хватит ему битвы с демоном.

– Мисс...

– Миссис Фрейлин Олдбрук, – нарочито спокойно произнесла Фрейлин, это имя уже считалось ее, и она частенько так себя называла.

Леди Шерон улыбнулась, спокойно обходя собеседницу, увы, в ее профессии все таково, что сюрпризов не остается, поэтому, заявление этой дамочки вызвало улыбку.

– Кажется, вам придумали это имя. И если уж быть точной, вы леди Агнесса Мальборо, потом сова-доносчица Фрейлин, и только сейчас стали миссис Олдбрук.

Рыжеволосая дева стиснула зубы, почуяв настоящую опасность: это не просто соперница, она невероятно хитрая и умная, и может принести им столько бед... Но Фрай спокойно слушал и внимал леди Шерон, в его душе не было столько негодования против великого адъютанта в лице женщины.

– Преподобный Фрай Уэнсли, а вы что скажите, ваши друзья не очень жалуют мою идею, но больше мне важно узнать ваше мнение? Ведь, в конце концов, именно вам предстоит сыграть решающую роль.

– Я привык сражаться во имя добра, даже когда чувство безопасности зыбкое и может осыпаться в бездну. Если враг еще не повержен, и я могу помочь его изловить, то охотно соглашусь. В прошлом, у меня было и то меньше шансов победить и все же, я выстоял.

– Вы настоящий герой, мистер Фрай, – тепло отозвалась Шерон. – Приятно видеть человека в здравом уме, умеющего рисковать во имя правого дела. Мои подчиненные проходят подобную проверку, а вы уже готовый вояка.

Фрай улыбнулся, в отличие от его друзей, которые не спешили проявлять к этой дамочке симпатию, молодой человек не придерживался общего мнения, доверяя своему:

– Вы преувеличиваете мои способности, назвать меня воякой – очень громко звучит. Я священник, у которого в походной сумке бутылочки со свяченой водой, библия и святое распятие. А еще меч, который я, увы, забыл дома.

– Это не важно, какое у вас оружие, важно – какой вы человек.

– Она заговаривает ему зубы, – шепнула Фрейлин одними губами, белому колдуну.

– Рассказывайте уже ваш план, хватит плясать вокруг да около, – отозвался Эдвард, которому порядком поднадоело общение со шпионами.

– Мистер Уэнсли, вы очень не выдержаны в последнее время.

– У меня нет много свободного времени, чтобы проводить его в милой болтовне, я не собираюсь здесь задерживаться.

– Вы можете и вовсе покинуть столицу завтра, – утвердительно ответила адъютант. – Пока что, в ваших услугах никто не нуждается.

– Вы думаете подставить моего племянника в одиночку под удар противника, но не учитываете, что я не согласен с таким исходом дела.

– Дядя! – возмутился Фрай, ему не нравилось, что приехавшие с ним друзья так агрессивно были настроены против леди Шерон и мистера Ласко. Последний, правда, не вступал в разговор, но это не избавляло его от косых взглядов со стороны Фрейлин и Эдварда. Единственно Бонна мило стоила глазки, без всякой предвзятости, но ее мнением не интересовались.

– Фрай, тебя хотят втянуть в западню, – спокойно ответил родственник. – Разве ты не понимаешь, что будешь подсадной уткой, мишенью, и тобой легко пожертвовать в случае чего, увы, таковы принципы этого шпионского министерства – играть за счет других.

Леди Шерон спокойно пропускала мимо ушей колкие замечания, эту женщину ничего не могло вывести из себя, на все претензии колдуна мило улыбалась, безо всякой неприязни; на взгляды Фрейлин – кокетливо качала головой. Преподобному пресвитеру Уэнсли казалось, что они ведут себя, как дикари, не дав завершить разговор. Он был не рад, что пошел спрашиваться дядю, надеясь на его совет; и с Фрейлин говорил открыто о своей отлучке, а теперь вынужден краснеть за спутников, хотя идея поимки предателей не казалась ему чем-то невыполнимым.

– Какую роль я буду играть в вашей карательной кампании? – несмотря на все протесты, произнес молодой человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.